

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРОЛЕТ АРСКАЯ РЕВОЛЮ ЦИЯ

*Журнал революционных коллективистов, №5,
декабрь 2002 г.*

Чтобы рядовые наемные работники перестали жить, как рабочая скотина, и смогли бы почувствовать себя людьми, у них нет другого способа достичь этого, кроме как силой свергнуть своих господ и начальников, разрушить их государство, установить свою диктатуру над ними и добить их, объединиться в коллектив равноправных и взять в свои руки управление миром. Но чтобы стать

способными на все это, им нужно растоптать в себе привычную мораль, религию, "семейные ценности" и самое подлое духовное орудие власти эксплуататорских классов - патриотизм и "национальную гордость". Только заменив в своей душе всю эту старую мерзость кодексом чести революционера, материалистическим пониманием природы и истории, преданностью своей классовой политической организации, интернациональной солидарностью со своими братьями по классу и великой целью завоевания пока еще не принадлежащей ему родины - Земли, пролетарий сможет стать последовательным борцом за власть своего класса. Наш журнал - одно из средств для того, чтобы помочь ему в этом.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакции	3
<i>Амадео Бордига. Освенцим, или Великое алиби.....</i>	5
<i>Владимир Остросветов. НЕКОТОРЫЕ МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ</i>	13
Захват "Норд-Оста" - новое преступление Кремля и Лубянки.....	25
Пролетариям России, пролетариям Чечни	43
Применительно к подлости... Российские либералы, грабительский порядок и ограбленный народ	49
Когда верстался номер... ..	55
<i>Г. Васильев</i> Что такое "управление" и "отношения собственности"? <i>(Продолжение. Начало в №4.)</i>	57

Читайте

"Пролетарий" -

*бюллетень революционеров Украины и России,
источник правдивой информации,
орудие боевой пропаганды и агитации,*

хорошее подспорье в классовой борьбе против капитала и эксплуататорского государства

Об условиях приобретения "Пролетария" можно узнать по адресу:

65080, Одесса, а/я 146

proletar@ukr.net

- а также по контактному e-mail нашего журнала

Убедительно просим присылать нам сообщения не в теле письма (тексты в кириллице сервер Geocities обычно превращает в абракадабру), а в приложении - в формате RTF, Word 97 или в текстовых файлах.

От редакции

Из номера в номер нашего журнала мы возвращаемся к теме так называемой "Великой Отечественной войны". Это не случайно: дело в том, что именно эта война (то есть, иначе говоря, та часть Второй мировой войны, которая связана с борьбой между СССР, с одной стороны, Германией и ее союзниками - с другой), именно культ ее героев и плач по ее жертвам являются одним из мощнейших орудий эксплуататорской пропаганды на территории бывшего СССР. Сперва это идеологическое орудие очень хорошо помогало укреплению власти партийно-государственной бюрократии в Советском Союзе; затем, когда эти самые бюрократы разделили между собой СССР и отбросили марксистско-ленинскую фразеологию, открыто признав себя капиталистами, это же самое идеологическое орудие продолжало - и до сих пор продолжает - столь же эффективно, как и раньше, служить им в большинстве осколков Советского Союза. Пожалуй, нет в арсенале российской, украинской, белорусской и пр. буржуазии другого такого комплекса мифов, столь же мощно питающего патриотические чувства одуряченных масс и столь же надежно обеспечивающего их верность буржуазному государству, как комплекс мифов о "героической борьбе народов СССР с фашизмом, спасшей мир от коричневой чумы".

В России этот комплекс мифов очень активно используется не только в государственной пропаганде, но и в пропаганде *всех* буржуазных политических партий - как демократических, так и антидемократических. И демократы, и полуфашисты вроде зюгановских "коммунистов", и фашисты вроде скинхедов, лимоновцев и анпиловско-тюлькинских "коммунистов" - все они, каждый по-своему, с помощью мифологии о "Великой Отечественной войне" разогревают у пролетариев чувство российского патриотизма. При этом весь этот сброд буржуйских прихвостней охотно использует вышеупомянутую мифологию в грызне между собой. Демократы обзывают фашистов и полуфашистов продолжателями дела Гитлера - на том основании, что те не любят демократию. Фашисты и полуфашисты отвечают демократам тем же: мол, вы своей демократией наше государство ослабляете и тем самым дело Гитлера продолжаете. Как те, так и другие считают самих себя продолжателями того "правого дела", той "священной войны", в ходе которой СССР победил Германию: буржуазные демократы - потому что они причисляют себя к борцам с фашизмом, буржуазные антидемократы - потому что они рады всем победам Российской Империи (даже когда эта империя называлась Советский Союз), наконец, и те и другие - на том основании, что они патриоты России. *И все они*

совершенно правы в том, что считают себя продолжателями дела тогдашних "советских войск": они действительно его продолжают - как "советские войска" служили эксплуататорскому государству под названием СССР, так и российские демократы, фашисты и полуфашисты верно служат одному из осколков СССР, эксплуататорскому государству под названием Россия.

Истина о Второй мировой войне (в том числе и о "Великой Отечественной войне") заключается в следующем:

- 1) *все государства, участвовавшие в этой войне - включая СССР, - принадлежали эксплуататорам;*
- 2) *вся эта война была не более, чем переделом мира между несколькими группировками эксплуататоров;*
- 3) *все государства, участвовавшие в этой войне, проводили геноцид многих наций и народностей и вели расистскую пропаганду; при этом СССР, США, Великобритания и их союзники сочетали свою политику геноцида и пропаганду расизма с лицемерной болтовней о защите демократии и гуманистических ценностей, борьбе с фашистским варварством и пр. (подробнее об этом см. статью "Какой из драконов лучше?" в №3 "Пролетарской революции", а также статью "Пролетарская революция против демократии и фашизма" в нашей недавно вышедшей книге "В борьбе против буржуазного национализма");*
- 4) *во всех жертвах и разрушениях Второй мировой войны были равно - и стопроцентно - виноваты все без исключения эксплуататоры всего мира (в том числе, разумеется, и партийно-государственная бюрократия СССР), потому что все они были причастны к разжиганию этой войны - и неважно, сознавали они это или нет;*
- 5) *далеко не все эксплуатируемые трудящиеся позволяли гнать себя на империалистическую бойню и либо покорно, либо с энтузиазмом жертвовали свои жизни для увеличения богатства и расширения власти своих господ; во всех государствах, участвовавших во Второй мировой войне, немало было и таких трудящихся, которые пытались бастовать и бунтовать;*
- 6) *единственная пролетарско-революционная позиция по поводу Второй мировой войны - это поражение всех участвующих в ней государств и превращение ее в войну гражданскую. Все прочие позиции означают более или менее последовательную службу тем или иным группировкам эксплуататоров, угнетателей и истребителей трудового народа.*

Истина же по поводу демократов и фашистов состоит в следующем:

капитал заставляет пролетариев и мелких буржуа тянуться то от фашизма к демократии, то от демократии к фашизму; получается, что угнетенные борются то против фашизма за демократию, то против демократии за фашизм – а власть капитала между тем остается незыблемой, поскольку и демократия, и фашизм есть лишь две разные формы власти того же самого капитала. Проще говоря, капитал заставляет пролетариев вертеться, как белок в колесе, между демократией и фашизмом... Каков выход из этого колеса? – Бей фашистов, пока не одемократятся, бей демократов, пока не офашизуют, а главное - бей всех буржуев и всех начальников.

Все начальники - сволочи: и "демократы", и "коммунисты", и "фашисты". Всех их надо свергнуть - и установить коллективистский строй, при котором все трудящиеся будут реально и на равных правах участвовать в управлении всем

обществом. Тогда не будет ни демократии, ни фашизма, при которых власть кучки богачей и больших начальников пытается выдать себя за истинно всенародную власть. *И демократия, и фашизм - это обман пролетариев; при коллективизме же пролетарии перестанут быть пролетариями - наемными рабами и станут свободными людьми, которых уже никто никогда не обманет.*

От редакции

В №3 нашего журнала мы опубликовали обращение "В канун 9 Мая 2002 года" и статью "Какой из драконов лучше?" - материалы, в которых было показано, что единственной пролетарско-революционной позицией по Второй мировой войне является "за поражение всех воюющих сторон и превращение войны империалистической в войну гражданскую". В частности, на ряде примеров мы показали, что все государства, участвовавшие во Второй мировой войне - не только Германия и Япония со своими союзниками, но и СССР, и буржуазные демократии Великобритании и США - *совершенно одинаково* практиковали геноцид, истребление ряда народностей по национальному признаку.

В данном номере нашего журнала мы публикуем статью великого итальянского марксиста Амадео Бордига "Освенцим, или Великое Алиби". В этой статье, написанной в 1960 году (ее перевод с немецкого перевода - который, в свою очередь, был сделан с французского оригинала, - опубликованный в электронной версии по адресу <http://www.sinistra.net/lib/rus/qimaedecor.html>, озаглавлен "Аушвиц, или Большое Алиби"; отредактировав этот перевод, мы предпочли использовать приведенную выше версию названия, более соответствующую современным нормам русского языка), Бордига, раскрывая читателям малоизвестные (хотя и хорошо документированные и не подвергающиеся историками никакому сомнению) страницы Второй Мировой войны (совершенно неизвестные основной массе читателей в республиках бывшего СССР), убедительно доказывает, что виновниками холокоста - массового геноцида евреев - были не только нацисты, непосредственно осуществившие его, но и "демократические" союзники СССР - Великобритания и США. Опираясь на факты и блестяще используя теоретический инструментарий исторического материализма, Бордига показывает, что виновниками гигантской бойни, именуемой Второй Мировой войной (и, в частности, происходившего во время этой войны массового уничтожения евреев), являются не только германские нацисты, но *все вообще эксплуататоры мира, делившие между собою мир в этой войне, все государства, участвовавшие в ней* - одним словом, *вся мировая капиталистическая система* (к которой Бордига относил и СССР).

Амадео Бордига

Освенцим, или Великое алиби

40-летие "Хрустальной ночи райха" вновь дало в эти дни возможность правым, умеренным и левым антифашистам поставить под сомнение тот факт, что расовая ненависть и главным образом антисемитизм служат им как великое алиби(1). Под этим флагом скачут они охотнее всего в атаку, и это является одновременно их последним бастионом в дискуссии. Кто сможет устоять перед аргументом лагерей смерти и газовой камеры? Кто не затихнет перед шестью миллионами убитых евреев? Кто не содрогнется перед садизмом наци? И все-таки здесь мы сталкиваемся с одной из самых бессовестных мистификаций антифашистов, которую мы должны раскрыть.

Немецкая буржуазия и мелкая буржуазия, начиная от государственных, партийных, профсоюзных и церковных бонз, на многочисленных собраниях на Западе и Востоке старается свалить всю ответственность за смерть пятидесяти миллионов человек в последнюю мировую войну, среди них шести миллионов евреев, на нацистов. Это объяснение, типично буржуазное, совпадает со штампом псевдокоммунистов: фашисты несут ответственность за войну. Так как буржуазные и реформистские идеологи отказываются признать, что причина потрясений и кризисов, периодически сотрясающих мир, лежит в самой капиталистической системе, то они пытаются все объяснить плохим в человеке. Мы убеждаемся при этом, что фашистские и антифашистские идеологи в основном утверждают одно и то же: мысли, идеи, воля отдельных людей и групп определяют ход общественного развития. В противоположность всем этим идеологиям, которые мы определяем как буржуазные, так как они стремятся к поддержке капитализма, а также вопреки всем прошлым, сегодняшним и будущим "идеалистам" марксизм доказал, что в действительности все наоборот: идеологию определяют материальные условия общества. Это основной постулат марксизма, и из этого следует, что наши псевдомарксисты отказались также от него, сдвинув все в мир идей: в конечном случае для них колониализм, империализм и капитализм являются лишь духовными субстанциями. Этим они сваливают вину за все человеческие страдания на темные силы, ответственные за нищету, эксплуатацию и войну. Марксизм опроверг это и доказал, что нищета, эксплуатация и война не порождаются злыми инстинктами, а относятся к "нормальным" процессам капитализма. Это справедливо также и по отношению к империалистической эпохе. Но так как именно разрушение является темой нашего анализа, мы должны подробнее рассмотреть этот вопрос.

Даже если буржуа или реформисты признают, что в основе империалистических войн лежат конфликты интересов, они очень далеки от понимания капитализма. И это проявляется от их неспособности постичь значение разрушений. Они все придерживаются мнения, что целью войны является победа, и видят в уничтожении людей и материальных ценностей во вражеском лагере лишь единственное средство, чтобы достичь этой цели. Доходит даже до того, что некоторые наивные предлагают будущую войну вести просто при помощи снотворных средств. Мы же, наоборот утверждаем, что именно разрушение является главной целью войны. Империалистическое соперничество, непосредственно создающее повод к войне, само является только следствием все более возрастающего перепроизводства. Чтобы противодействовать тенденции падения нормы прибыли, капитализм вынужден

производить все больше и быстрее, и противоречие между необходимостью больше производить и невозможностью найти сбыт продуктов приводит к кризису. Война есть капиталистическое решение кризиса: ликвидация "перенаселения", вызванного перепроизводством, благодаря уничтожению людей. Только филистер-мечтатель может вообразить, что империалистические конфликты могут быть легко улажены во время игры в кегли или за круглым столом, и что колоссальные разрушения и смерть миллионов людей можно приписать нерешительности одних или порочности и жадности других.

Уже в 1844 году Маркс обвинял буржуазных экономистов в попытке считать алчность врожденным качеством, вместо того чтобы ее понять, и он показал, почему алчные являются алчными. Впрочем, уже в тот же год марксизм объяснил и причину "перенаселения". "Спрос на людей жестко регулирует производство людей, как и любого другого товара", - пишет Маркс. "Если прирост намного больше спроса, то часть рабочих погружается в нищенское состояние или голодную смерть"(2). И Энгельс в свою очередь: "Население лишь тогда слишком велико, когда сила производства вообще слишком велика; перенаселение показало нам, как в конечном счете частная собственность превратила людей в товар, чье производство и уничтожение зависит также только от спроса; как система конкуренции убила при этом и ежедневно убивает миллионы людей"(3). Последняя империалистическая война не опровергает марксизм и не оправдывает его "обновления", а подтверждает точность нашего анализа.

Мы должны напомнить обо всем этом, чтобы перейти к вопросу об уничтожении евреев. Ибо это уничтожение состоялось не в заранее выбранное время, а в разгар кризиса и империалистической войны. И мы должны его объяснить в рамках этого огромного проекта уничтожения. И этим самым вопрос освещается нужным образом. Мы не будем больше толковать об "опустошительном нигилизме" нацистов, а попробуем понять, почему этому уничтожению частично подверглись евреи. И здесь нацисты и антифашисты снова едины: по их мнению, массовые убийства евреев вызваны расовой ненавистью, ненавистью к евреям, свободной и дикой "страстью"! Но мы, марксисты, знаем, что не существует никакой свободной социальной страсти и что ничто так сильно не обусловлено, как именно эти большие коллективные взрывы ненависти. Исследования антисемитизма империалистической эпохи вновь подтвердят нам это.

Мы специально говорим об антисемитизме империалистической эпохи, так как несмотря на то, что "идеалисты" всех типов - от нацистов до теоретиков "еврейства" - утверждают, что юдофобия всегда и повсюду одинакова, мы знаем, что это не так. Антисемитизм сегодня в корне отличается от антисемитизма феодального. Мы не можем здесь вновь рассмотреть историю евреев, хорошо исследованную в рамках марксизма. Мы знаем, почему сохранились как таковые евреи в феодальном обществе; мы знаем, что сильные буржуазии (Америка, Англия, Франция), рано получившие возможность завершить победой свои политические революции, почти полностью ассимилировали своих евреев, и что слабые этого сделать не смогли. В последнем случае дело было не в выживаемости евреев как таковых, на которую мы здесь могли бы сослаться, а в антисемитизме империалистической эпохи. И это не сложно понять, если мы не

тратим времени на размышления о "сути" евреев и антисемитов, а исследуем их положение в обществе.

Энгельс писал в 1890 г., что антисемитизм "есть не что иное, как реакция средневековых, вырождающихся слоев общества на современное общество, которое в основном состоит из капиталистов и пролетариев"(4). В результате исторического развития капитализма евреи сегодня в основном принадлежат к среднему классу. Этот класс приговорен неудержимым развитием концентрации капитала к смерти. И здесь лежит источник нового антисемитизма. В Германии в период между войнами эта тенденция резко обострилась. Как страшное привидение, нависает послевоенный кризис над немецким капитализмом, уже потрясенным первой мировой войной и революционными выступлениями 1918-28 годов, запуганным атаками пролетариата. В то время как победоносные, более сильные буржуазии (в США, Англии, Франции) меньше пострадали от войны и сравнительно легко преодолели переход от военной экономики к мирной, немецкий капитализм испытал хаотический экономический провал. И, как во всех кризисах, приводящих благодаря разорению части малых и средних предприятий к более высокой концентрации капитала, не в последнюю очередь пострадал средний класс. При этом обстоятельства были таковы, что разоренные, обанкротившиеся и задолжавшие мелкие буржуа не могли опуститься до пролетариев, которые сами тяжело страдали от безработицы (7 миллионов безработных в пике кризиса): они упали прямо до состояния нищих и были приговорены к голодной смерти.

Под страшным экономическим давлением, перед лицом угрозы уничтожения, которая делала жизнь всех членов среднего класса ненадежной, но при этом общей и взаимопроникающей, средний класс пожертвовал одной своей частью в надежде спасти и обезопасить жизнь остальных. Антисемитизм так же мало основан на "макиавеллиевском плане", как и на "внутренней извращенности". Он является следствием экономического давления. Вместо того, чтобы быть первопричиной уничтожения евреев, ненависть к евреям есть лишь выражение стремления сконцентрировать на них и ограничить ими уничтожение.

Иногда происходит и так, что даже рабочие становятся носителями расизма, если многие из них подвергаются угрозе безработицы и пытаются сконцентрировать ее на других группах: итальянцев, поляков, турок или других "гастарбайтеров", арабов, негров и др. Но в пролетариате это происходит только в моменты тяжелой деморализации и сохраняется недолго. Как только пролетариат продолжит борьбу, он видит ясно и конкретно, где прячется враг. Пролетариат есть единственный класс, имеющий историческую перспективу и миссию.

Средний класс, наоборот, является бесперспективным и обреченным классом. Он приговорен также к невозможности понимать и к неспособности бороться; в мельнице, перемалывающей его, он может только слепо ударять вокруг себя. Расизм - совсем не помутнение разума, он есть реакция мелкой буржуазии на давление большого капитала и останется таковой и дальше.

Выбор "расы", т. е. группы, на которой средний класс попытается сконцентрировать уничтожение, зависит, конечно, от конкретных обстоятельств. В Германии именно евреи выполнили "необходимые условия" и были единственными, выполнившими их. Они почти все были в среднем классе, и в среднем классе они были единственной достаточно идентифицируемой группой. На них могла перевести катастрофу мелкая буржуазия. Было даже необходимо, чтобы идентификация не была слишком сложной. Нужно было точно определить, кто должен быть уничтожен и кто пощажён. Поэтому и смехотворно мало число крещеных предков, противоречащее кровной и расовой теориям и уже потому достаточное для того, чтобы доказать ее несостоятельность. Но речь не шла о логике. Демократ, который лишь выпячивает бессмысленность и подлость расизма, проходит здесь, как обычно, мимо действительного вопроса.

Немецкие мелкие буржуа, под давлением капитала, бросили евреев волкам, чтобы облегчить свои сани и спасти себя. Как уже было сказано, произошло это неосознанно, отражаясь в их сознании в форме ненависти к евреям и удовлетворения от закрытия и разграбления еврейских лавок. Можно было бы сказать, что крупный капитал потирал руки от удовольствия: средний класс был согласен ликвидировать часть самих себя, еще точнее, мелкие бюргеры были готовы провести эту ликвидацию сами. Но такая "персонификация" капитала была бы некорректной: капиталистическая буржуазия понимает точно так же мало, как и мелкий бюргер, что она в действительности делает. Капитал подвержен непосредственно экономическому давлению и идет путем наименьшего сопротивления.

Пролетариат со своей стороны не участвовал непосредственно в этой истории. Немецкий пролетариат понес поражение и, конечно, уничтожение евреев было возможно лишь после этого. Но социальные силы, подталкивающие к этому уничтожению, существовали еще до поражения пролетариата. После него они смогли реализоваться, так как теперь капитализм получил зеленый свет.

Это началось с экономического уничтожения евреев(5): экспроприация во всех возможных формах, ограничения во всех свободных профессиях, администрациях и т.д. Постепенно отняли у евреев все жизненные основы, они жили за счет резервов, которые смогли спасти. Вплоть до начала войны политика нацистов по отношению к евреям заключается в двух словах: вон евреев! Все было сделано, чтобы обеспечить исход евреев (даже при помощи нелегального переселения в Палестину!). В то время как нацисты хотели, не понимая как, избавиться от евреев, а сами евреи больше всего хотели выехать из Германии, их нигде не хотели принимать. И это объясняется так: никто не хотел их принимать, так как ни одна страна не была в состоянии принять многие миллионы разоренных мелких буржуа и предоставить им условия для проживания. И лишь малая часть евреев смогла выехать. Большинство должны были остаться против своей воли и против воли нацистов. Они парили, так сказать, в воздухе.

С началом империалистической войны положение одновременно количественно и качественно обострилось. Количественно, так как немецкий капитализм, вынужденный разрушить средний класс, чтобы сконцентрировать в своих руках европейский капитал, распространил ликвидацию евреев даже на среднюю и восточную Европу. Антисемитизм себя оправдал и был на подъеме.

Это соответствовало, впрочем, местному антисемитизму средне- и восточноевропейских стран, хотя он был сложнее (отвратительная смесь феодального и империалистического антисемитизма, которую мы не имеем возможности здесь рассматривать). Одновременно обострилось положение и качественно. Жизненные условия стали из-за войны гораздо тяжелее, запасы евреев таяли, и они были предоставлены голодной смерти.

В "нормальные" времена и если речь идет о небольших количествах людей, то капитализм, выбросивший людей из производственного процесса, может разрешить им подышать. Но во время войны и при миллионах людей это невозможно: подобный хаос парализовал бы все. Капитализм должен организовать их смерть.

Но он убивает их не мгновенно. Вначале он выбрасывает их из внутриобщественного движения, перегруппировывает, концентрирует. Вынуждает тяжело трудиться и недоедать, т.е. истощает до смерти. Это старый метод капитала - убивать людей работой. Уже в 1844 г. Маркс писал: "Индустриальная война" (в тексте война означает индустриальную борьбу, конкуренцию. - Прим. Интернациональной Коммунистической Партии) "для своего успешного ведения требует многочисленных армий, которые капитал может собирать в определенном пункте и распускать"(6). Но при своей жизни люди должны нести сами траты на жизнь и одновременно оплачивать свою смерть. Они должны производить прибавочную стоимость, пока способны на это. Ибо сама смерть приговоренного капиталом человека может произойти только тогда, когда она приносит прибыль. Так происходит это и на войне.

Но человек живуч. Став чистым скелетом, он подышает недостаточно быстро. Нужно его убивать - тех, которые больше не могут работать, и тех, которые больше не нужны, так как их рабочая сила при неблагоприятном ходе войны не находит больше применения.

Немецкий капитализм все же неохотно решался на простое убийство. Не из моральных побуждений, а так как это ничего не приносило. Так был заключен контракт с Жюлем Брандом(7), который мы здесь упоминаем, так как он раскрывает ответственность мирового капитализма. Жюль Бранд был одним из руководителей подпольной организации венгерских евреев. Через тайные убежища, нелегальную эмиграцию, подкуп СС-чиновников и благодаря всем возможным средствам эта организация пыталась спасти евреев. СС-команда по евреям терпела подобные организации из-за подкупа, а также потому, что она пыталась по возможности использовать их для сбора денег и для выборочных операций среди евреев.

В апреле 1944 г. Бранд был приглашен в СС-команду по евреям: Айхман, руководитель еврейского отдела СС, хотел поговорить с ним. И Айхман, с разрешения Гимmlера, поручил ему выступить посредником на переговорах с союзниками о продаже миллиона евреев. СС потребовало взамен 10 000 грузовиков, но было готово к любому торгу о типе и количестве обменных товаров. Для подчеркивания серьезности предложения, они предложили высылку 100 000 евреев тотчас же, сразу после договоренности. Это был серьезный гешефт.

Контракт был готов, но не было, к сожалению, никакого спроса: не только евреи, но и сами СС попались на удочку "гуманитарной" пропаганды союзников! Союзники не хотели миллиона евреев ни за 10 000 грузовиков, ни за 5 000, ни вообще даром.

Мы не хотим здесь вдаваться в подробности неудач Бранда. Он выехал через Турцию на Ближний Восток, попадая из одной английской тюрьмы в другую. Союзники не хотели принимать это всерьез и делали все, чтобы дискредитировать Бранда и лишить его слова. Наконец Бранд встретился в Каире с британским министром по Ближнему Востоку лордом Мойном. Он умолял его выдать ему хотя бы письменное согласие, даже с намерением его не выполнять: при этом были бы спасены 100 000 жизней!

"И сколько должно быть в целом?"

"Айхман говорил о миллионе".

"И как Вы это себе представляете, мистер Бранд? Что должен я делать с этим миллионом евреев? Куда должен я их доставить? Кто примет людей?" (...)

"Если на планете нет для нас места..." - сказал Бранд в отчаянии, - "тогда нашим людям не остается ничего другого, как идти в газовые камеры".

СС не сразу поняло, так сильно они верили в "идеализм" Запада! После неудачи Бранда и во время массовых убийств оно попыталось еще продать евреев Джойнт (американскому еврейскому комитету) с тем, что оно выдало в Швейцарию "задаток" в 1700 евреев. Но никто, кроме них, не торопился проверить этот гешефт.

Жюль Бранд понял это сам, или почти понял. Он видел, как обстоят дела, но не понимал, почему. Это не планета не хотела их принимать, а капиталистическое общество.

И не было места для евреев, не потому что они были евреями, а потому, что они были выброшены из процесса производства, были не нужны для продукции.

Лорд Мойн был убит двумя еврейскими террористами, и Бранд узнал позднее, что он часто выражал сочувствие трагической судьбе евреев:

"Политика, которую он был вынужден проводить, диктовалась ему бездушной администрацией в Лондоне",

- сказал Бранд. Но Бранд не понял, что администрация есть администрация капитала и именно капитал бесчеловечен. Капитал не знал, что делать с этими людьми. Даже с немногими уцелевшими, теми "перемещенными лицами", для которых не находилось места, он не знал, что делать.

Уцелевшим евреям, наконец, удалось найти себе место. Силой и благодаря международной конъюнктуре было основано государство Израиль. Но даже это потребовало сделать другое население "перемещенными": с тех пор прозябают сотни тысяч палестинцев в лагерях беженцев.

Мы увидели, как капитализм приговаривает миллионы людей к смерти, выталкивая их из процесса производства. Мы видели, как он убивает их и требует при этом всю возможную прибыль. Мы должны теперь еще увидеть, как он их использует даже после смерти, как он использует даже их смерть.

Вначале империалисты союзнического лагеря их использовали, чтобы оправдать свою войну и после своей победы - подлое поведение победителей. Набросились на лагеря и трупы! Повсюду выставляли ужасные картинки и кричали: "Смотрите, что за негодяи нацисты! Как мы были правы, борясь с ними! И как правы мы теперь, делая их жизнь кислой!"

Помните о бесчисленных преступлениях империализма, например о том, что, именно 8 мая 1945, когда во Франции Торез, бывший вождь КПФ, прокукарекал о победе над фашистами, 145000 алжирцев, представлявших авангард антиколониального движения против империализма, были уничтожены под предлогом, что они являются фашистскими провокаторами. Помните об ответственности мирового капитализма за все эти бойни, и возникает отвращение от подлого цинизма и самодовольства победоносного империалистического блока!

Одновременно набросились все бравые антифашистские демократы на трупы евреев. И они помахивают этими картинками перед глазами пролетариата. Конечно не для того, чтобы показать отвратительность капитализма. Напротив, они пытаются показать, как прекрасна настоящая демократия и настоящий прогресс другого лагеря, как хорошо он живет в обновленном капиталистическом обществе! Перед ужасом капиталистической смерти пролетариат должен забыть ужас капиталистической жизни и то, что оба неразрывно связаны. Перед экспериментами СС-врачей следует забыть, что капитализм экспериментирует в больших масштабах с алкоголем, раковызывающими продуктами, излучениями "демократических" атомных бомб и т.п. Показывают абажуры из человеческой кожи, чтобы забыли, что капитализм из живых людей, своей рабочей силы, делает абажур. Перед горами волос, золотых зубов, перед ставшими товаром телами убитых людей забывают, что капитализм саму жизнь людей, работу превратил в товар. В этом причина всех несчастий. Спрятать это за трупами жертв капитала, использовать эти трупы для защиты капитала, - это действительно отвратительный способ использовать жизни и трупы до конца.

Примечания:

1.Статья вышла примерно в 1960 г. в "Programme Communiste", теоретическом органе Интернациональной Коммунистической Партии на французском языке. Поводом послужила мощная кампания французских демократов против антисемитизма. Для настоящей публикации немецкого перевода изменены лишь вступительные предложения, связанные с прошлыми событиями, чтобы соответствовать сегодняшним непосредственным событиям, отвратительным осенним сборищам немецкой буржуазии.

2.Карл Маркс. "Экономико-философские рукописи". Исследование трудов Маркса и Энгельса. Издательство карманных книг Фишера (т.II, 5.38).

3.Энгельс. "Наброски к критике национальной экономики", MEW 1, S.519 ff.

4.Энгельс. "Об антисемитизме", 1890, MEW 22, S. 50.

5.О подробностях социального положения евреев и их экономической ликвидации смотри недавно вышедшие буржуазные исследования: Хельмут Геншель. "Вытеснение евреев из экономики третьего рейха", Геттинген 1966, и Дитер Свадек "Концентрация предприятий как результат и средство национал-социалистической экономической политики", Берлин, 1972, прежде всего 5.88 ff.

6.Маркс, см. выше S. 49.

7.Алекс Вайсберг. "История Жюля Бранда", 1956. Дословные цитаты со стр. 215-216. Предложение Бранду было составной частью ряда продолжавшихся целые годы попыток.

Источник: "Коммунистическая программа", декабрь 1978 г., № 20, стр. 1-5. Другой перевод этой статьи был опубликован в немецкоязычном органе Интернациональной Коммунистической Партии "Международная революция" в декабре 1969 г., №3, стр. 21-29.

Владимир Остросветов

НЕКОТОРЫЕ МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ

В свете безудержной демагогии властей о "переходе нашей страны к рынку" в начале 90-х годов у неискушенных людей может возникнуть впечатление, что раньше никакого рынка у нас не было и только с приходом к власти "благодетелей" в лице команды Ельцина он впервые начал создаваться. Но так ли это? Попробуем выяснить.

Для начала неплохо было бы понять, что такое рынок. Это совокупность социально-экономических отношений в сфере обмена, посредством которых осуществляется реализация товаров и окончательное признание общественного характера заключенного в них труда. Под рынком (по крайней мере, на сколько-нибудь серьезном, масштабном уровне) подразумевается производство на продажу и накопление. (А не для собственных потребностей или обмена, продажи с целью получения предметов, служащих непосредственно удовлетворению этих потребностей.) Он может быть регулируемым, (причем в очень разной степени) или (во всяком случае, относительно) нерегулируемым.

Сделаем экскурс в историю. Во времена "военного коммунизма" были официально отменены любые денежные платежи, всякие денежные отношения между предприятиями внутри национализированного сектора экономики, в ее госсекторе вообще. С 1918 по 1921 годы таковых не было. (Н. И. Бухарин в своей "Азбуке коммунизма" 1919 года гордился этим, как важным шагом на пути к коммунизму.) Однако следует отметить, что национализированный сектор составил большую часть промышленности не ранее второй половины 1919 года, а к концу 1920 вобрал в себя подавляющее большинство предприятий.

Известно, что товарно-денежные отношения, все платежи в экономике были полностью восстановлены в правах при введении НЭПа. (Май 1921 года.) Частный сектор в промышленности стал расширяться. В госсекторе установился хозрасчет. Создавались тресты, которые управляли группами предприятий, как

единым целым. К концу 1922 - началу 1923 годов 90% промышленных предприятий СССР были объединены в 421 трест. Существенной особенностью этих трестов и предприятий было то, что они не финансировались из госбюджета, а должны были работать по принципу коммерческого расчета и приносить прибыль, которая (после определенных отчислений производителям) должна была идти в пользу государства, как владельца основных фондов этих предприятий. Но и промышленность, и крестьянство были свободны торговать своей продукцией на рынке, по ценам, которые диктовал, как правило, последний.

Между прочим, в более поздние времена то, что от НЭПа отказались, официально не признавалось. Формально он вообще никогда не отменялся в Советском Союзе. И это отнюдь не было только демагогической уловкой. В посленэповские времена в стране никогда не отменялись ни цены, ни прибыль, ни товарно-денежные отношения между предприятиями. Могут, конечно, заметить, что, поскольку собственником всех основных средств производства являлась одна организация - государство, действительного обмена не происходило. Но реальная экономическая действительность опровергает правомерность антитезы "товарное производство - натуральное хозяйство" на макроуровне. Она работает на микроуровне, когда речь идет об отдельных хозяйственных единицах, но неправомерна в макроэкономке, применительно к комплексным хозяйственным системам, ибо не исчерпывает всего содержания реальных экономических связей. Следует учитывать, что такие категории, как цена, деньги, прибыль являются экономическими инвариантами, то есть присущи любой экономической системе, будь она плановой или рыночной. Разница лишь в том, какими методами формируются категории, ряд категорий. В "плановой", "командно-административной" системе, например, цены определяются государством, "сверху", в директивном порядке, при рыночной свободно-конкурентной - в процессе взаимодействия участников.

Экономические механизмы, формирующие эти инварианты через взаимодействие равноправных хозяйственных ячеек, можно назвать горизонтальным, те же, что формируют их через вышестоящие управляющие органы - вертикальным. Но самих категорий не быть не может.

Более того. Экономические реформы 1929-1932 годов проходили в СССР под знаком усиления хозрасчета и товарно-денежных отношений. (В частности, налоговая и кредитная реформы 1930 года.)

Вследствие этих реформ тресты, в том виде, как они существовали при НЭПе, были распущены. Каждое предприятие формально стало самостоятельным юридическим лицом, официально находящимся на полном хозрасчете и имеющим свои фонды, где оставлялся определенный процент от прибыли, доходов. Оно могло получать банковские кредиты, которые обязано было возвращать с процентами. (Явление чисто капиталистическое, по Марксу.) Правда, кредитование одними предприятиями, организациями других было запрещено, а правом предоставления кредитов в доперестроечном СССР пользовались только Госбанк страны, Стройбанк и Внешторгбанк.

Разумеется, каждое "самостоятельное хозрасчетное юридическое лицо" обязано было производить платежи, отчисления из прибыли в бюджет. В размере ее свободного остатка "сверх потребностей предприятия", но не менее 10%.

Безусловно, нельзя отрицать, что в стране установилась административно-командная система, претерпевшая, впрочем, ряд любопытных метаморфоз. На рубеже 20-х-30-х годов резко усилилось управление промышленностью через наркоматы.

В 1930 году уже только 5% промышленной продукции поставлялось по договорам поставщиков с потребителями - против 85% в прошлом году.

В 1928-29 годах были приняты постановления ВСНХ и ЦК, которые установили полный и неограниченный контроль директоров на предприятиях и в учреждениях, абсолютное единоначалие по отношению к подчиненным. (Окончательно похоронив последние жалкие остатки какого бы то ни было контроля снизу.)

Мало кто знает, что примерно с 1934 года командно-административные рычаги в управлении советской экономикой несколько ослабли. (При все большем усилении социальной дифференциации и нагнетании жестких репрессий.) Директорам предоставили некоторые права предпринимателей. Причем их возможность класть часть прибыли в свой карман расширилась. В середине 30-х годов белоэмигрантский Институт экономических исследований охарактеризовал сдвиги в советской экономике, как стремление "организовать производство и обмен между государственными предприятиями на принципах конкурентного хозяйства, на началах личной заинтересованности, рентабельности, прибыльности". Позднее, конечно, командные рычаги управления экономикой усилились снова. (Однако вышесказанное отнюдь не утратило своего значения.)

19 апреля 1936 года на предприятиях были вполне официально учреждены так называемые директорские фонды. (Формально предназначенные для поддержки социальной сферы и выплаты премий за выдающиеся производственные показатели.) Туда должно было поступать не менее 4% всех плановых доходов и 50% всех остальных доходов. В руках директорского корпуса сосредотачивались огромные суммы. (Кстати, в 1937-1938 годах было репрессировано только 4% директорского корпуса - по сравнению с процентом репрессированных в те же времена в других отрядах партийно-государственной бюрократии СССР это очень малая доля, - причем в большинстве случаев репрессированные были руководителями невоенных предприятий.) Это помимо очень высоких, по советским меркам, зарплат (раз в 10 выше средней по стране) и премий. Официально директор предприятия, перевыполнившего план на 10%, получал, бывало, 70% премии (дополнительно к окладу, от его размера), на 20% - 110%, на 30% - 150%, на 50% - 230%. Есть сведения, что определенный процент прибыли начислялся директорам, управленцам высокого ранга по секретной смете. Существовала тантьема - скрытая система оплаты, вознаграждения для большого начальства (как правило, доставлялась в конвертах).

Таким образом, никак нельзя сказать, что советские хозяйственные руководители не были заинтересованы в прибыли. (В отличие, кстати, от директоров заводов ряда капиталистических корпораций, которые были заинтересованы только в выполнении планов. Между прочим, один из руководителей Госплана Болгарии, Е. Матвеев, был очень удивлен, побывав (уже в 60-х годах) в плановом центре американской корпорации "Кайзер Алюминий Кэмикел Корпорейшн" и узнав от начальника этого центра, что "директора заводов в прибыли не заинтересованы, они заинтересованы лишь в том, чтобы как следует выполнить мой план". На вопрос, почему же их не интересуют в прибыли, американский плановик ответил: "Потому, что собственником является корпорация". В капиталистических концернах и корпорациях никогда не было понятия, подобного "хозрасчету". Внутри них предприятия собственных фондов не имеют. Вся прибыль там аккумулируется в центре. Изобретен даже специальный термин - "профитцентр".) Это вовсе не противоречило обязательности выполнения плана.

Между прочим, в гитлеровской Германии принципы прибыльности сочетались с принципами выполнения планов. Закон от 27 февраля 1934 года жестко установил, что предпринимательские союзы всецело подчиняются министерству экономики. Собственники, хозяева предприятий и банков объявлялись служащими государства, полномочными руководителями, вождями своих коллективов. (Система "фюрер-принцип".) Крупнейших капиталистов нацистская верхушка назначала на руководящие посты в государственном аппарате. Им предоставили должности, связанные с регулированием экономики. Таким образом, в стране практически провели своеобразную национализацию, огосударствление хозяйства, придав правящему классу корпоративно-элитный характер. Тоталитарный режим требует абсолютного господства во всех сферах, включая, разумеется, и экономику. В Германии в компетенции исключительно государства находились такие важнейшие вопросы экономической деятельности, как объем и ассортимент производства, цены на продукцию, выбор контрагентов в обмене (т. е. поставщика и покупателя). Все это определялось ни в коем случае не выбором отдельных предпринимателей, а централизованными правительственными решениями, совершаясь по указанию из центра. Чистая командная система. Впрочем, она и официально называлась: "планкоммандвиртшафт" - "планово-командное хозяйство".

Но вернемся к России. В послевоенное время командная экономика СССР продолжала развитие по собственной логике. План по валовым показателям по-прежнему сочетался с прибыльностью. (Кстати говоря, еще с февраля 1941 года была введена система прямых договоров между предприятиями, главками. Во время войны этого стало меньше, в послевоенный период она расширилась опять. Настолько, что 21 апреля 1949 года приняли систему ежегодных генеральных соглашений между главками, центральными ведомствами, между предприятиями в рамках этих соглашений, а не непосредственно. Однако по разрешению министерства договоры, купля-продажа могли происходить иногда и вне этих соглашений, прямо между предприятиями. Позднее тоже бывало по-разному.)

В стране рос черный рынок промышленных товаров. Руководители негласно накапливали запчасти, материалы, оборудование; предприятия и отрасли соревновались друг с другом по наличию ресурсов. В поисках дефицитных материалов по всему Союзу ездили "толкачи", которые с помощью взяток и подкупа обеспечивали "свое" предприятие или участок.

Существовала даже фиктивная промышленность. Из-за хронического дефицита многие предприятия организовывали свои "собственные" карликовые цеха для производства запчастей, реализуя их, обеспечивая дополнительную прибыль директорам. Вообще, о привилегиях советских государственных управляющих говорить можно долго.

Кроме того, что в руках этой категории населения находились большие деньги, богатства, хочу напомнить о некоторых малоизвестных фактах. Например, в 30-е годы в СССР практиковалось такое явление как... аренда земли. Последнюю сдавали некоторые председатели колхозов, директора совхозов, особенно руководители совхозов ГПУ. Таким образом, зачастую они эксплуатировали крестьян в качестве не только агентов государства, но и "классических" помещиков.

А в послевоенные годы ввели так называемый "малый НЭП": руководители, председатели артелей (подчас вновь создаваемых, но, как правило, более-менее подконтрольных государству, конечно) клали в свой карман, по негласному разрешению сверху, солидный процент прибыли.

Кстати, "теневая экономика" всю существовала и при Сталине, часто в виде подпольных цехов, выпускавших "левую" продукцию. Впрочем, грань между официально организованной и "теневой" экономической деятельностью носила в нашей стране (по крайней мере, от определенного уровня) весьма условный, расплывчатый характер, а подчас и вообще отсутствовала, но об этом ниже.

После смерти Сталина имело место несколько попыток реформировать советскую экономику. Некоторые рыночные реформы предлагали Берия и Маленков. В 1957 году были созданы совнархозы, существовавшие до 1965 года. Ими пытались заменить отраслевые министерства, вовсе не меняя этим сущность советской экономики.

Затем грянула известная "косыгинская" реформа (в 1965 году). Официально она заключалась в расширении прав предприятий. Однако совнархозы расформировали и восстановили отраслевые министерства. (Опять же, органы административного, приказного управления производством.)

Предприятия стали в большей степени работать от прибыли. Значительную часть из них перевели на новую систему планирования и экономического стимулирования. Некоторым образом изменилась система налогообложения хозяйственных единиц. Если до середины 60-х годов эти платежи производили в форме отчислений от прибыли в размере ее свободного остатка сверх потребностей предприятия, но не менее 10%, то затем "в целях усиления хозрасчета" были введены три вида платежей из прибыли в бюджет: плата за

производственные фонды, рентный платеж, а также взносы из свободного остатка прибыли, выполнявшие функции "окончательного регулирования взаимоотношений предприятий с госбюджетом по использованию прибыли". Фактически, реально процент прибыли, оставшийся предприятиям (т.е. директорам) возрастал.

В 1966 году хозяйственные единицы перечислили в бюджет 73% полученной прибыли, в 1970 - 62%, в 1977 - 56%. Соответственно, в распоряжении предприятий" оставалось 27%. 38% и 44%. С 1965 по 1977 годы процент прибыли, направленный в "фонды экономического стимулирования и другие фонды", возрос с 9% до 18%. (В наибольшей степени стимулировалась, естественно, дирекция.) Была еще одна, самая загадочная статья в распределении прибыли - "на другие цели". (Уж не частные ли доходы директоров?). В середине 60-х сюда шло 14% прибыли, в 1970 - 10%, в 1977 - 17%.

Реформа 1965 года не затронула командную систему всерьез. Оптовые цены на продукцию по-прежнему устанавливались в директивном порядке. Мера использования такой категории, как прибыль, возросла. Однако ее можно получить как за счет снижения себестоимости продукции, так и путем повышения цен. Сработали добавочные стимулы к такому завышению. Например, неучтенный скрытый рост оптовых цен на продукцию машиностроения составил в 1966-1970 годах 33% против 18% в предыдущей пятилетке. (Разумеется, инфляция в СССР всегда существовала.) Тем не менее, красивые показатели эффекта реформы всячески расписывались. Покупатели были, как и раньше, отстранены от влияния на установление цен. В конечном счете, эта реформа скорее разладила старый хозяйственный механизм, чем создала новый.

Доходы советской номенклатуры - явление во всех отношениях чрезвычайно интересное! Кроме фактических привилегий, на нее сыпался "золотой дождь" и в денежном выражении. Существовала своеобразная иерархия распределения. Давно известно, что в СССР существовала скрытая система зарплаты в конвертах для крупных руководителей (об этом выше упоминалось). Однако ее размеры неизвестны. В капиталистической экономике тайные вознаграждения именуются "тантьемой". Подозреваю, что не только в конвертах... По-разному.

Более того. В рамках советской госсобственности существовали полулегитимные элементы бюрократического частного предпринимательства. В некоторых отраслях промышленности производитель (разумеется, речь идет о директорах и вышестоящих руководителях) практически имел возможность устанавливать свои цены на ряд изделий. Официально, конечно, цены в прејскурантах были твердо зафиксированы государством, но фактически это было легко обойти. (В ряде случаев.)

К примеру, в машиностроении ежегодно осваивалось производство массы новых изделий. (До 3000 в год, в остальных отраслях - 700). Цен на эти изделия в прејскурантах не было, их полагалось утверждать вновь. И устанавливали на новинки разовые и "временные" оптовые цены. (До того, как утвердит Госкомцен, но это дело долгое, да и утверждал он обычно ту же или близкую

цену.) Кроме того, при внесении в "старое" изделие малейших технических усовершенствований также можно было изменить цену, "накрутив" ее, в общем-то, вполне легально.

Ко всему этому следует добавить, что в СССР имела место и настоящая конкуренция. Например, зачастую конкурировали между собой предприятия "оборонки" (а к ней относились почти все машиностроение, основная часть обрабатывающей промышленности, да и не менее трех четвертей промышленного производства вообще), и особенно создаваемые, работавшие в этой сфере конструкторские бюро и НИИ, в частности за получение первоочередных и более выгодных заказов от министерства. И кто знает, не здесь ли в известной мере кроется секрет достаточно высокого качества и значительной конкурентоспособности советской военной продукции?

Впрочем, конкуренции хватало и в других сферах. Например, в свое время в Советском Союзе произошло перепроизводство, затоваривание дорогих костюмов. Надо было бы сократить их производство и распродать уже произведенные. Но на пути к этому встали большие трудности. Ибо ведущим ценностным ориентиром для руководителей являлись темпы роста промышленного производства, измерявшегося через валовую продукцию промышленности. Снижение производства вело бы к уменьшению последней. Посему Госплан был против.

Одним из основных источников доходной части бюджета в стране являлся налог с оборота, взимаемый, в первую очередь, с потребительских благ. Причем взимался он при переходе в оптовую или розничную торговлю, но не на стадии реализации, продажи. (Во избежание "возможного неразумного поведения потребителя".) Устанавливался в виде фиксированного процента от цены товара. При падении производства сократилась бы доходная часть бюджета, поэтому министерство финансов тоже против.

А вот банк был за, так как возможность предоставления кредитов имела ограниченный характер, а главное - свой кассовый банковский план зависел от возвращения денег населением.

Торговые работники тоже были за, так как важнейшим показателем успешной работы розничной торговли считалось выполнение плана товарооборота.

Итак, возникла дилемма. Допустить "чрезмерно" горизонтальные отношения между торговлей и промышленностью? С одной стороны, ухудшились бы темпы роста валовой промышленной продукции, уменьшилась бы доходная часть бюджета. С другой - это означало бы улучшение выполнения кассового плана, повышение, увеличение выполнения плана товарооборота, сокращение излишних запасов в торговой сети, а главное - возрастание, улучшение обеспечения населения.

Подобных примеров противоположных, несовместимых интересов разных ведомств, острых противоречий между ними в стране хватало. Это ли не конкуренция?

Не "коммунистической" же идеологией руководствовалась номенклатура в своей практической деятельности, а исключительно интересами сохранения и укрепления своей власти и военно-полицейской мощи огромной тоталитарной империи!

Между прочим, еще в конце 60-х годов, во время первых лет действия экономической реформы, со стороны аналитиков андроповского ведомства (с подачи самого руководителя "конторы") поступали предложения в Политбюро о территориальном разделении экономики страны минимум на 2-3 "независимых" сектора, части, не подчиненных единому Госплану. Тогда это не прошло.

Вообще, с приходом к власти Л. И. Брежнева размах и возможности бюрократической, номенклатурной частнопредпринимательской деятельности, "частновладельческих" инициатив возросли и усилились. (И легальные, и нелегальные, хотя такую грань здесь провести, как правило, трудно, а часто невозможно.) Мало того, что (как уже подчеркивалось) доля прибыли, оставляемая руководству предприятий, существенно возросла, а процент взносов из нее, подлежащий отчислению в бюджет, уменьшился. Во все большем количестве стали появляться предприятия, передаваемые в так называемое "хозяйственное ведение" (владение, по сути) своих руководителей. (Не исключено, что это существовало и ранее.) Естественно, возможность частного присвоения здесь расширялась.

Ну, а в 1973 году по личному указанию Брежнева были созданы относительно самостоятельные финансово-промышленные группы под названием "производственных объединений". (С подобными вещами экспериментировали и до того. Кстати, даже плательщиками доли прибыли в бюджет они выступали группами, а не от каждого отдельного предприятия, как это делали "самостоятельные" хозрасчетные единицы, в объединения не входившие.) В 1974 году было более 1500 производственных объединений, включавших в себя свыше 6000 прежде автономных предприятий. К началу 1976 года их число выросло до 2300. Позднее существовало около 4000 таких объединений, которые включали в себя 18000 предприятий и выпускали 46% всей промышленной продукции. Реорганизация управления промышленностью была дальнейшим развитием экономической реформы 1965 года.

Возросли (отчасти из-за усиления гонки вооружений) возможности руководителей предприятий (особенно в машиностроении) "накручивать" цены на вновь осваиваемые изделия. Обострялись ведомственные противоречия и борьба за приоритет в военных, оборонных разработках. Усиливалась конкуренция.

Часто возникают интересные вопросы: зачем преследовали, репрессировали иногда даже номенклатурных деятелей теневой экономики? И почему они подчас занимались подпольной экономической деятельностью, имея, казалось бы, все? Как во всем этом разобраться? Что же, можно попытаться ответить.

Во-первых, репрессировали в основном лиц, не достигших определенного уровня, тех, кто "крал не по чину" (т. е. занимался делами, на которые по

понятиям советской иерархии права не имел), всяких подпольных цеховиков, дельцов, не находившихся на высоких постах, и т. п.

Во-вторых, привлекавшиеся к ответственности были преимущественно работниками торговли и сферы обслуживания (иногда - строительства, легкой промышленности, пищевой и т. д.), но уж никак не руководители ВПК и тяжелой промышленности.

В-третьих, отнюдь не исключено, что отдельные руководители имели экономические права, которые не предоставлялись другим, не только низшим по рангу, но, допустим, не столь влиятельным, приближенным к верхам (например, на присвоение солидной части доходов, прибыли, свободное распоряжение ею, заключение самостоятельных экономических соглашений с партнерами-хозяйственниками - подобно тому, как члены Политбюро и Секретариата ЦК КПСС имели открытые счета в Госбанке СССР, откуда могли легально снять любую сумму в любой момент; право засекреченное, нигде и никогда открыто не признаваемое). Однако, кое-кто мог заниматься подобными делами, не имея на них разрешения. Вполне возможно также, что, независимо ни от каких прав, могли "сдать" кого-либо конкуренты, более влиятельные соперники-недоброжелатели. В конце концов, то, что в "нормальной" капиталистической системе решается путем банкротства, в нашем госкапитализме зачастую проводилось с помощью посадок и расстрелов, репрессий. Таким образом, грань между привилегиями, доходами, действиями легальными и нелегальными в советском обществе далеко не всегда возможно было отчетливо проследить. Начиная с определенного уровня, на некоторых ступенях иерархии эта грань была крайне расплывчатой и зыбкой, кое на каких уровнях она отсутствовала вообще. К этому следует добавить, что подчас репрессиям подвергались руководители, просто проявлявшие излишнюю инициативу и самостоятельность, нарушавшие правила командной системы, не устраивавшие вышестоящее начальство, "мешая" ему чем-либо. Наконец, репрессировали за прямые хищения, за приписки. Так что бывало по-всякому. (В огромной степени по ситуациям, в зависимости от отношений между номенклатурными кланами и внутри таковых.)

Надо также отметить, что преследования "теневиков" (и вообще репрессии за экономические преступления) происходили неравномерно и с разной степенью интенсивности.

Сыграла здесь в том числе роль и дискриминация по национальному признаку. Есть данные, что первое место по числу приговоренных к смертной казни по "экономическим" делам в Советском Союзе занимали евреи. Среди таких осужденных было и много кавказцев.

А вот еще дополнительная "информация к размышлению" о том, что борьба с "теневыми", нелегальными доходами вовсе не противоречила огромным, более-менее легальным прибылям правящего класса. Общеизвестно, что и Шеварднадзе, и Алиев являлись очень крутыми борцами с коррупцией и "теневым" бизнесом в своих республиках. Придя к власти в Грузии в 1972 году практически в результате государственного переворота, бывший шеф республиканской милиции Шеварднадзе заполнил тюрьмы "теневиками",

"цеховиками", подпольными капиталистами и бизнесменами. В Азербайджане же, в бытность Гейдара Алиева генсеком, смертный приговор за нелегальный бизнес, подпольную частнопредпринимательскую деятельность был явлением обычным. Тем не менее известно, что и тот, и другой поддерживали определенные кланы номенклатурных капиталистов-бюрократов, которые еще более обогатились и усилили свою мощь в этот период. У знаменитых Гдляна и Иванова при расследовании так называемого "узбекского дела" был собран компромат в том числе и на этих деятелей (Алиева и Шеварднадзе).

В свою очередь, нельзя забывать, что Иванов и Гдлян были посланы на данное дело еще при Андропове, в 1983 году, главным образом для того, чтобы свалить ряд местных кланов и сделать положение дел в Средней Азии более подконтрольным Москве. То есть, в конечном счете, в целях укрепления империи и усиления великодержавного шовинизма. В свою очередь позднее, при Горбачеве, бурная деятельность следователей (наряду, разумеется, и с другими факторами) использовалась "прогрессивной", "реформаторской" частью номенклатуры для придания себе "демократического" имиджа, а также для того, чтобы, пользуясь разоблачениями, попытаться свалить другую часть номенклатуры. Впрочем, со временем дело успешно прикрыли, и не заводя разоблачения слишком далеко, и не раскрыв никаких серьезных тайн Кремля, но одновременно дав одной части господствующего класса (и рвущейся наверх его "демократической" идеологической обслуге) прекрасные дополнительные поводы для обвинений в адрес другой.

(Позднее Т. Гдлян занял весьма правое место в политическом спектре страны, возглавив достаточно шовинистическую Народную партию. Следователи ушли в депутаты, в политику. Сейчас о них что-то не слышно.)

Часто возникает вопрос: а зачем вообще понадобилась перестройка, ельцинизм и официальная приватизация? Постараюсь ответить. Целый ряд причин.

Вообще, номенклатуре (советской государственной буржуазии) давно, по крайней мере, в своей значительной массе, надоело прикрываться демагогической фразеологией, не имеющей абсолютно никакого отношения ни к реальности СССР, ни к правящему классу империи. Фразеология все больше тяготила, рано или поздно господствующему классу необходимо было отбросить прочь идеологический камуфляж. Собственно говоря, попытки такого рода были и раньше. В конце жизни это намеревался сделать еще Сталин (откровенно подняв знамя русского православного самодержавного шовинизма и черносотенства). Определенные планы строил Берия (разгром партаппарата, определенная приватизация - так или иначе, конечно, номенклатурная, - по-видимому, какой-либо вариант консервативной государственнической идеологии). Наконец, намерения подобного рода были и у Андропова, затевавшего свою перестройку. (Последний, вероятно, желал какого-то подобия китайского варианта, правда, сложный вопрос, какой идеологией это бы камуфлировалось. На первых порах, возможно, старой, а может быть, поменяли бы фразеологию, заменив на правоконсервативно-державноохранительную. Дело в том, что в недрах его родного ведомства вызревали самые различные

планы и проекты... к тому же Юрий Владимирович очень сильно заигрывал с русским национализмом, так что могло случиться всякое...)

Сыграло, безусловно, свою роль и то, что для успешной экономической конкуренции участие в мировом рынке становилось все более необходимым. СССР был вынужден стараться вырваться из своей экономической изоляции, выйти на такой рынок. Без приватизации это вряд ли бы получилось. Тем более, что на Западе полным ходом шла волна либерализации, политики экономического неолиберализма, который характеризуется двумя основными моментами: I. Максимальной (по мере возможностей), во всяком случае, широкомасштабной приватизацией. II. Свертыванием социальных гарантий. (Тоже, по возможности, в разных странах в разной степени, но при одной и той же зловещей тенденции.) Оба эти фактора были использованы в нашей стране. Номенклатура (госбуржуазия) узаконила раздел собственности между собой, придала этим процессам наконец-то совершенно легитимный, официальный характер. (К тому же, пойти на отмену госмонополии в экономике советское руководство вынуждали, подталкивали накапливающиеся острые противоречия в существовавшей системе, ее серьезный кризис.) Вдобавок - прекрасный повод для того, чтобы сбросить с себя бремя "заботы о трудящихся", "социалку", как можно сильнее свернуть (а в идеале вообще ликвидировать) всякие социальные гарантии. (В СССР в последние десятилетия, несмотря на диктатуру, все же было социальное государство - Welfare State, хотя уровень жизни существенно уступал западному. Социальная защищенность людей в социально ориентированных государствах Запады - таких, как, например, Швеция - тоже была куда выше.)

Во многом в результате кризисных экономических явлений правящие круги капиталистических стран пришли к выводу, что социальное государство, социальные гарантии "стоят слишком дорого" и надо "больше экономить средства".

Это мнение возобладало и стало господствующим в государственной политике ведущих капиталистических стран с 80-х годов. Так что и тут Россия, что называется, "попала в струю". Только у нас данный процесс проводится в жизнь быстрее и жестче.

Итак, в России проведена номенклатурная приватизация. Проведена для господствующего класса более чем успешно. Активно поддерживается крупный бизнес, крупный номенклатурный капитал, связанный с государством. Мелкий, да и средний бизнес испытывает большие затруднения. Небольшие фирмы постоянно банкротятся, лопаются, поглощаются крупными. Общеизвестно, что подобный бизнес испытывает налоговый прессинг, просто душится налогами зачастую. И вот тут почему-то никто не обращает внимание на одно интересное обстоятельство. Часто, в результате уплаты всех налогов (если их платить добровольно, что, по понятным причинам, бывает редко), предприятию, бизнесмену остается куда меньший процент, меньшая доля от прибыли, чем оставляло государство предприятиям (директорам, руководителям), во времена "застоя". Тогда оставляли, как уже упоминалось выше, от 27% в середине 60-х годов до 44% во второй половине 70-х. При Ельцине не всегда и 10% оставалось. Крутые же либералы пришли в стране к власти, нечего сказать! Почему нигде,

никогда ни у кого не встречается такого элементарного сравнения? Интересно, не правда ли? Разумеется, это не касается большого номенклатурного бизнеса, крупных корпораций. Эти платят по минимуму (если вообще платят), пользуются налоговыми льготами либо просто освобождаются от налогообложения. Крупный же капитал получает помощь от государства (а государство от него). Подчас они, можно сказать, срачиваются.

Таким образом, мы имеем в России бюрократический частнокорпоративный капитализм, крайне мерзкий и уродливый. С идеологией авторитарного консерватизма, плавно перетекающего в откровенную диктатуру. Поскольку правящий класс видит возможность экономического подъема путем: а) Сверхэксплуатации работников. б) Усиления давления на соседей, экспансионизма. в) "Закручивания гаек" внутри страны. г) В связи с предыдущими пунктами - роста военного производства по госзаказам.

Политика правящей клики, агрессивный великорусский шовинизм при одновременном нарастании откровенно фашистской угрозы, попустительстве ей, ведут страну к бездне, к катастрофе!

Библиография.

1. I. Baranov. The Economic Contrast.
2. H. Berman. Justice in Russian. (Cambridge/Mass., 1950).
3. Gregory Bienstock, Solomon M. Schwarz and Aron Uygow. Management in Russian industry and agriculture. New-York, 1944, 1948.
4. Алекс Каллинникос. Месть истории.
5. Каценеленбоген А. И. Экономические произведения (из трехтомника).
6. Клифф Т. Государственный капитализм в России.
7. A. Nove. Soviet Economy
8. Соловьев, Клепикова. Кремлевские войны.
9. Троцкий Л.Д. Преданная революция.
- 10 Харман Крис. Государство и капитал.

Захват "Норд-Оста" - новое преступление Кремля и Лубянки.

Точно так же, как и взрывы домов трехлетней давности, захват чеченскими боевиками "Норд-Оста" и операция по его освобождению с головой выдают главных сценаристов этого кровавого спектакля - *Кремль и ФСБ*. Когда до зубов вооруженный отряд боевиков сперва беспрепятственно пропускают через Москву, а затем их, *усыпленных*, поголовно уничтожают - вместо того, чтобы повязать их *бесчувственные тела* и доставить живыми в кутузку, чтобы затем допросить там, - то очевидно, что *власти больше всего боялись, что боевики расскажут, как и кто их готовил к ихней операции и как это им удалось так легко добраться до своей цели*. Вообще, все зрелище напоминало спектакль, в сценарий которого режиссер вносит поправки по ходу действия: сперва рассказали всей стране, что боевики спали, оттого что напились (и в доказательство демонстрировали по телевидению валяющееся на полу тело Бараева, рядом с кистью руки которого *аккуратно стояла* бутылка коньяка...), а потом признали, что их все-таки усыпили газом... Очевидно, что господа чиновники во главе с Главным ФСБшным Гарантом Конституции до такой степени презирают народ, которым управляют, что даже не дают себе труда заранее отсортировать ту лапшу, которую собираются наворачивать нам на уши.

Что касается 1999 г., то имеет смысл напомнить, что писал тогда Марлен Инсаров в статье "Новая империалистическая война и классовая пролетарская политика" (см. эту статью в книге "Теория и практика коллективизма", 2002, стр. 88-90):

"Шиты белыми нитками усилия представить бандитско-террористические действия российской армии и российской авиации, стирающих с лица земли чеченские села, уничтоживших десятки и согнавших с родных мест сотни тысяч людей как борьбу с терроризмом, как ответ на взрывы в Москве - усилия, вызывающие только презрение к трусливо-подлому и алчно-патриотическому буржуазному государству, не смеющему даже разбойничать открыто, не состряпав сперва какую-либо провокацию себе в оправдание. Стоит только спросить: кому были выгодны взрывы в Москве, Буйнакске и Волгодонске? - и виновник этих взрывов станет очевиден. Какую выгоду могли получить ваххабитские террористы от взрывов пролетарских домов в России? - Никакой. Какую выгоду получили от них русская буржуазия и ее государство? - Огромную, взрывы создали как идеальный предлог для новой агрессии в Чечне, так и атмосферу паники и националистического шабаша, делающую эту агрессию беспрепятственно осуществимой".

Могли ли руководители ваххабитских террористов серьезно надеяться на то, что захват нескольких сотен буржуйчиков и типов из "среднего класса" в центре Москвы действительно заставит российский капитал и его ставленников - Путина, его министров и генералов - вывести войска из Чечни и прекратить эту войну, так необходимую этому самому российскому капиталу? Конечно же, нет. Зато продажность, а следовательно, управляемость "полевых командиров" этих самых террористов очень хорошо известна. Логично заключить, что *раз террористы устраивают провокации, дающие русской буржуазии прекрасный повод для продолжения и наращивания очень нужных ей военных действий в*

Чечне - значит, "полевые командиры", пославшие террористов-смертников в Москву, и были наняты не кем иным, как русской буржуазией. Причем наняты не просто несколькими буржуями-частниками, а именно русским буржуазным государством - судя по тому, как поспешно это самое государство уничтожало спящих боевиков, чтобы те, проснувшись, не сболтнули чего лишнего...

О том, почему эта война так нужна русским буржуям, Марлен Инсаров написал в той же статье:

"Русская буржуазия заинтересована в войне как по экономическим, так и по политическим причинам: 1) сохранить контроль за идущими через Северный Кавказ нефтепроводами, по которым перегоняется нефть из самых больших в мире нефтяных месторождений Каспийского моря и Кавказа, помешать доступу к ним иностранных конкурентов; 2) выпустив фурии межнациональной розни и «национального интереса», совлечь рабочих с пути классовой борьбы на путь национального межклассового единения, покровительствуемого якобы надклассовым государством, использовать военную обстановку для усиления репрессий против рабочего движения, для укрепления буржуазного государства, его армии и спецслужб. Именно классовые интересы российской буржуазии, выдаваемые ею за «национальные», вызвали войну, и пока буржуазия стоит у власти, пока рабочие, объединенные всемирной партией пролетарской революции, не свергнут капитализм и не разрушат буржуазное государство, установив интернациональную диктатуру пролетариата, до тех пор войны будут неизбежны, до тех пор миллионы будут гибнуть ради прибылей нефтяных компаний и ассигнований генералам спецслужб".

Что касается усиления репрессий против рабочего движения, то случаи обвинения рабочих активистов и членов левых групп в "связях с террористами" уже есть. Например, согласно информации, поступившей от членов Интернационального Коммунистического Союза (ИКС), ФСБ навесила именно такой ярлык на эту организацию. Скорее всего, в недалеком будущем таких примеров станет больше. Поживет Россия какое-то время по новому Кзоту - и готовых бороться с хозяевами и властями людей станет больше; поживет Россия какое-то время по новому закону о борьбе с экстремизмом - и многие из таких людей окажутся обвиненными в терроризме...

Если же говорить об экономических интересах российской буржуазии, ради которых ведется война в Чечне, то к их перечню, приведенному товарищем Инсаровым, следует добавить еще и прибыли от торговли оружием, и прибыли, получаемые на восстановлении постоянно разрушаемых предприятий и домов в Чечне, и много других возможностей прибыльно и по-крупному торговать и воровать. Война - это золотое дно для капитала, и чем больше и кровопролитнее война, чем больше горя она несет простым людям, тем больше прибылей от нее государственным чиновникам и "частным" капиталистам.

Почитаем, что еще писал Инсаров более трех лет назад:

"В отличие от войны 1994-96 годов, когда в Чечне существовало партизанское движение мелкобуржуазных и полупролетарских масс, в значительной мере неподконтрольное чеченской буржуазии, в новой войне сражаются только профессиональные солдаты, низы чеченского общества не участвуют в войне, а бегут от нее. Конечная причина этого - утрата прогрессивного характера буржуазными «национал-освободительными» движениями, в конце 20 в. неспособными не только сколько-нибудь прочно

улучшить положение масс, но даже создать независимое буржуазное государство, прогрессирующее по пути капитализма. В войне 1994-96 гг. низы чеченского общества добились кажущейся победы - фактической независимости Чечни, но все реальные плоды этой победы достались чеченским верхам и независимость Чечни оказалась нужной именно их интересам. Разочарование низов чеченского общества в независимой Чечне, при отсутствии в мире классового пролетарского движения, способного указать выход из тупика национализма - путь пролетарской революции, привело к их деморализации и апатии".

В конце 1994 - начале 1995 г. в Чечне против российских войск *поднялся народ* - простые крестьяне и рабочие, *которых никто не мобилизовывал*, шли в партизанские отряды (иногда продавая свое имущество, чтобы купить автомат). Поскольку у дудаевского режима (выражавшего интересы большинства чеченской буржуазии) практически не было армии, ему не оставалось другого выхода, кроме как открыть арсеналы народу. *Мелкая буржуазия и остатки пролетариата взяли инициативу борьбы с российской армией в свои руки*; это проявлялось в том факте, что командиры партизанских отрядов изначально гораздо больше зависели от своих партизан, чем от Дудаева. Хотя эти командиры и принадлежали к чеченской буржуазии, но *тот факт, что партизанское движение не было централизованно управляемой силой, превращал его в лишь частично буржуазное - а частично мелкобуржуазное и даже в некоторой степени пролетарское - массовое движение, несмотря на его вполне буржуазную, националистическую идеологию.*

Только централизованно управляемая организация превращает то или иное массовое движение в *стопроцентное* орудие того или иного эксплуататорского класса; чем больше в массовом движении стихийности, децентрализации, тем в меньшей степени оно является орудием эксплуататоров, даже если идеология его участников воплощает классовые интересы эксплуататоров. Для того, чтобы превратить массы в свое орудие, господам нужен авторитарный аппарат политического управления - либо государство, либо партия, церковь или еще какая-нибудь подобная организация. Например, бандеровское партизанское движение было стопроцентно буржуазным благодаря тому, что все партизанские отряды стопроцентно контролировались руководством фашистской партии ОУН(б) (рычагом этого контроля была зловещая СБ - "служба безпеки", партийная служба безопасности, имевшая независимые от руководителей бандеровских отрядов явки и каналы связи со своим руководством, подчинявшаяся только руководству партии и контролировавшая руководителей бандеровских отрядов: каждый из этих последних, вздумай он нарушить волю Бандеры и его ближайшего окружения, тут же уничтожался эсбистами. Знаменитый "бандерівський зашморг", бандеровская удавка - это как раз их любимое оружие). Если бы бандеровское движение обладало такой же идеологией, таким же социальным составом, каким оно обладало, но не было бы таким централизованным, подконтрольным "службе безпеки", а через нее ОУНовскому руководству - *тогда оно было бы лишь частично буржуазным, частично же было бы мелкобуржуазным и даже в той или иной степени пролетарским.* Другой пример: лимоновская НБП, несомненно, фашистская партия - мимикрирующая под революционность и антибуржуазность крайне последовательная националистическая организация, *в силу своего последовательного русского национализма последовательно подчиняющая русских пролетариев и "средние классы" русской буржуазии*, - но если бы где-

нибудь в России сейчас возникли *самостоятельные, не объединенные в централизованное движение* партизанские отряды, руководимые представителями одних фракций русской буржуазии, борющиеся против других ее фракций, и члены этих отрядов руководствовались бы такой же идеологией, как НБП, то *это движение было бы лишь частично буржуазным, а частично оно было бы мелкобуржуазным и даже в некоей степени пролетарским.*

Чтобы понять, почему это так, необходимо не спеша, основательно разобраться в том, что такое классовая сущность политической организации (или движения) и чем эта сущность определяется.

Является ли организация (или движение) буржуазной, мелкобуржуазной или пролетарской - *это вовсе не определяется субъективными взглядами и целями ее членов.* Классовый характер политической организации определяется ее объективным, не зависящим от мнений и воли членов этой организации отношением к наличному государственному аппарату, принадлежащему тем или иным классам. Например, если при капитализме политическая организация ведет борьбу, объективно направленную на сохранение буржуазного государства - значит, это буржуазная организация; если ее борьба объективно, *на самом деле* направлена на разрушение буржуазного государства - значит, это пролетарская организация; если же политическая организация непоследовательна в своем отношении к буржуазному государству и одни ее действия направлены на сохранение буржуазного государства, а другие на его разрушение - значит, это мелкобуржуазная, "среднеклассовая" организация. Чем более последовательно организация борется за расширение произвола буржуазного государства по отношению к его гражданам, тем более она буржуазна; напротив, чем более последовательно организация борется за развал всякого буржуазного государства и за расширение произвола пролетариата по отношению к его противникам - то есть за *диктатуру пролетариата*, - тем более она пролетарская. При этом *социальный состав организации может совершенно не совпадать с ее классовой сущностью*: например, буржуазная организация может состоять исключительно из пролетариев, а пролетарская - из "среднеклассовых" интеллигентов. Классовая сущность организации (или движения) заключается не в ее социальном составе, а в том, *за власть какого класса она на самом деле борется.* Если организация последовательно борется за разрушение буржуазного государства - значит, она тем самым последовательно борется за взятие политической власти пролетариатом и укрепление его диктатуры, а следовательно, является пролетарской, даже если в ее составе на данный момент нет ни одного пролетария.

Поясним сказанное выше примером от обратного. Возьмем для примера анархистов. Им *кажется*, что они последовательно борются за разрушение буржуазного государства, но они ошибаются, думая так: поскольку они выступают против взятия пролетариатом государственной власти в свои руки, то тем самым они объективно вышибают из рук пролетариата то единственное оружие, с помощью которого пролетариат может разрушить буржуазное государство *до конца и безвозвратно*; а раз так, то *на самом деле* анархисты *непоследовательны* в своей борьбе против буржуазного государства и потому не являются последовательными пролетарскими революционерами, даже если им очень хочется быть таковыми и даже если их организация состоит сплошь из пролетариев.

Сплошь из пролетариев могут состоять и буржуазные организации. Более того, при монополистическом капитализме возник особый вид *крайне*

последовательных буржуазных организаций - фашистские, - которые по определению состоят главным образом не из капиталистов, а либо из представителей "среднего класса", либо из пролетариев, либо из тех и других вперемешку. Основной функцией фашистских организаций как раз и является мобилизация активных, озлобленных - озлобленных в том числе и на буржуазию - пролетариев и мелких буржуа на укрепление власти капитала над ними же. Достигается это путем смешивания в идеологии фашистских организаций очень последовательных националистических (=государственнических. Вообще, не надо двух слов - "националисты" и "государственники": это одно и то же, слово "государственники" излишне, сама суть национализма как раз и заключается в борьбе за создание или сохранение того или иного национального государства, а вовсе не в неприязни к другим народам, которой у националиста может и не быть) политических установок с антибуржуазными и даже зачастую революционными, бунтовскими фразами (в идеологии абсолютно всех фашистских организаций содержится бóльшая или меньшая примесь антибуржуазной риторики, и в идеологии очень многих, если не большинства из них - примесь риторики революционной). Привлеченные антибуржуазными фразами, мелкие буржуа и пролетарии под руководством фашистской партии и в соответствии с ее националистическими установками укрепляют или создают государство той или иной национальной монополистической буржуазии - и гораздо более последовательно, чем буржуазные революционеры прошлого или буржуазные демократы сегодняшнего дня, борются за полный, никакими законами не ограниченный произвол такого государства по отношению к своим гражданам. Эти одуроченные бедняги наивно думают, что то государство, которому они помогают развязать руки, не только экспроприирует буржуев других наций, но и заставит буржуазию их же нации поделиться со своими бедными соотечественниками богатством и привилегиями. Зря надеются: национальное государство - это всегда государство эксплуататоров (пролетарская диктатура может быть только безнациональной. См. об этом в статье "Социал-фашизм" в нашей книжке "В борьбе против буржуазного национализма"), и неограниченный произвол национального государства - это прежде всего неограниченный произвол буржуев данной нации по отношению к рядовым наемным работникам, принадлежащим к той же нации. Это было доказано примером фашистских диктатур в Германии, Италии, полуфашистских - в Испании, Японии и ряде других стран. Пример СССР также показал, что не связанное никакими законами национальное государство означает произвол господ (в данном случае - партийно-государственных бюрократов) по отношению к рядовым работникам; и если в 30-е-70-е гг. в Советском Союзе действительно существовал капитализм, то это значит, что в течение 30-х гг. ВКП(б), утрачивая по мере завершения индустриализации всякую революционную и прогрессивную роль, действительно превратилась в фашистскую партию.

На примере фашистов мы можем исключительно ясно видеть то, что верно и для всех других политических организаций: *те или иные идеи или комплексы идей, взятые сами по себе, вовсе не определяют классовую сущность политических организаций. Одни и те же идеи могут быть использованы разными классами для того, чтобы объединять эксплуатируемые массы под своим руководством. Что же касается именно монополистической буржуазии, то ее отличительной чертой является совершенно уникальная, по сравнению со всеми прочими эксплуататорскими классами, способность использовать любые -*

хотя бы даже и позаимствованные у марксистов и анархистов - идеи и фразы для того, чтобы встраивать их в свою националистическую идеологию и с ее помощью управлять пролетариями и "средними классами". Либерализм, фундаментализм, марксизм, анархизм, демократия, антидемократия, расизм, антифашизм, ксенофобия, пропаганда "дружбы народов", глобализация, антиглобализм, технократизм, экологизм, мачизм, феминизм, гомофобия, борьба с гомофобами - все сгодится для оформления идеологии тех или иных организаций монополистической буржуазии, всякое лыко ей в строку. Вот уже более ста лет, как политическая практика монополистического капитала доказывает ту истину, что *политические организации нельзя классифицировать по их доктринам. Нельзя искать себе союзников или врагов лишь по тому признаку, какие идеи проповедует та или иная организация (или движение):* лишь изучив в каждой конкретной ситуации, *для укрепления или подрыва власти каких именно классов, для сохранения или разрушения наличного государственного аппарата* использует данная организация данный комплекс идей в данном конкретном случае, - лишь после этого можно делать вывод о том, является ли эта организация нашим союзником или врагом. Бывает такое, что вроде бы эта организация проповедует те же самые теории, что и мы, но, казалось бы, чуть-чуть отличается от нас в тактике борьбы - и на деле оказывается нашим заклятым, непримиримым, стопроцентным врагом, с которым нужно вести войну на уничтожение, без всяких компромиссов; а бывает так, что теоретическая доктрина иной организации не имеет ничего общего с нашей, но объективная направленность политической борьбы этой организации такова, что с нею можно сотрудничать. Например, мы, ГПРК, считаем себя учениками Маркса, Ленина и Троцкого; при этом осколки КПСС - наши враги на сто процентов, большинство троцкистов - процентов на шестьдесят-восемьдесят (среди троцкистов бывают и приятные исключения, но, как мы убедились на долгом и горьком опыте, лишь среди отдельных личностей, а не среди организаций), а вот с последовательными анархо-коммунистами у нас довольно много точек соприкосновения, в которых возможно сотрудничество.

Что касается чеченских партизан, то их идеология в обеих войнах была почти что одна и та же - буржуазная, националистическая, крайне правая. Пропагандистский кружок, субкультурную тусовку, централизованную политическую или религиозную организацию с такой идеологией можно было бы отнести к крайне правым, а в ряде случаев - и просто к фашистам. Но тот факт, что в первой чеченской войне под знаменами такой идеологии шли в бой *независимые друг от друга и от какого бы то ни было централизованного руководства, очень стихийно возникавшие партизанские отряды* (ни Дудаев, ни какие бы то ни было буржуазно-националистические чеченские организации не держали в первой войне эти отряды под таким же плотным контролем, как ОУН(б) и ее "служба безпеки" - бандеровские отряды), меняет все дело в корне. *Если вооруженные эксплуатируемые трудящиеся не управляются ни государственным, ни партийным, ни церковным, ни каким бы то ни было еще централизованным иерархическим аппаратом управления* (говоря словами Георгия Васильева, таким аппаратом, внутри которого преобладают отношения авторитарного управления); *если они организованы в автономные, никому не подчиняющиеся отряды - то даже в том случае, когда вожаки таких отрядов принадлежат к классу буржуазии, а идеология участников такого движения вполне эксплуататорская, это движение отнюдь не является стопроцентно эксплуататорским. В огромной мере, на несколько десятков процентов оно*

является силой, принадлежащей именно тем классам, из представителей которых оно состоит.

Само по себе существование самовооружившихся и не подконтрольных централизованным буржуазным организациям автономных партизанских отрядов уже является разрушением мелкими буржуа и/или пролетариями буржуазного государства - даже если вожаки этих отрядов сами буржуа, даже если эти отряды идут в бой за буржуазные цели и под буржуазными знаменами. Как это ни парадоксально, но факт: в 1994 - 95 гг. чеченские мелкие буржуа и пролетарии (главным образом сельскохозяйственные), взяв в руки оружие ради борьбы за независимость чеченского национального государства, положили конец процессу формирования этого самого государства - причем настолько основательно, что в течение трех лет мирной передышки между первой и второй войнами чеченская буржуазия так и не смогла возобновить этот процесс. Да и как она смогла бы сделать это: ведь эксплуататорское государство - это монополия армии, полиции и мафии, охраняющих экономическую власть эксплуататоров, на боевое оружие, а какая тут к черту монополия, когда под каждой стрехой - автомат, а в каждом сарае в углу закопан гранатомет?! А то, что вожаки партизанских отрядов сами были из буржуев, хотя и очень усиливало буржуазную составляющую партизанского движения в первой войне, но все же не делало его стопроцентно буржуазным: в автономном, никому не подчиненном партизанском отряде вожак не меньше зависит от своих подчиненных, рабочих и крестьян, чем от буржуев за пределами отряда... В первой чеченской войне партизанское движение объективно разрушало не только российскую, но и самую же независимую чеченскую буржуазную государственность. В силу своей децентрализованности оно объективно подрывало всякую буржуазную государственность - и потому, несмотря на свою очень правую идеологию, оказалось, как это ни парадоксально, менее буржуазным (то есть более левым), чем, скажем, профсоюз "Защита", недавно возникшая шеинская Российская партия трудящихся и бузгалинское движение "Альтернативы". Хотя эти три организации пользуются гораздо более левыми идеями и фразами, чем чеченские боевики - ксенофобы и религиозные люди, - хотя чеченские партизаны убивали множество мирных русскоязычных жителей Чечни, но при всем при этом эти самые партизаны в 1994-96 гг. разрушали буржуазную государственность; а перечисленные выше организации, интегрируя пролетариев в легальные бюрократические профсоюзные структуры, в буржуазные государственные органы (парламент, муниципалитеты) и в легальное националистическое антиглобалистское движение, укрепляют эту самую буржуазную государственность. Все эти профсоюзы, парламентские партии и антиглобалистские движения приучают пролетариев играть в правовом поле буржуазного государства и возлагать надежды на парламентских депутатов и профсоюзных бюрократов - и потому они оказались более правыми в политическом спектре, чем чеченские стеньки разины и максимы зализняки восемь лет назад.

О "максимах зализняках" мы вспомнили недаром. В XVIII веке на Правобережной Украине вспыхнуло крестьянское восстание против польских панов (которым, кстати, помогли подавить это восстание российские войска) - Коліівщина, возглавленное Максимом Зализняком и Иваном Гонтой. Повстанцы замечательно боролись против польского и русского эксплуататорских государств (а также против собственно украинских богатеев - "заможного козацтва", "старшини козацької"), но при этом наделали очень нехороших дел -

уничтожили множество евреев... Ну и что же прикажете, господа буржуазные ревнители "прав человека" - осудить их за это и прийти к выводу, что польские магнаты и русская монархия были правы, уничтожая повстанцев?! *Тот факт, что это было стихийное восстание самоорганизовавшихся эксплуатируемых трудящихся, разваливавшее всякую существовавшую тогда на Украине эксплуататорскую государственность, является достаточным основанием для того, чтобы хотя и с оговорками (с осуждением досадного крестьянского антисемитизма), но признать это восстание хорошим делом, а повстанцев - героями и нашими предшественниками.* Ксенофобия темных эксплуатируемых трудящихся, самоорганизовавшихся, самовооружившихся и разваливающих эксплуататорские государства - это совсем не то же, что ксенофобия тех же трудящихся, вступивших в централизованную националистическую (а следовательно, служащую орудием тех или иных эксплуататоров) организацию; в первом случае с этими трудящимися можно и нужно хотя и ограниченно, критически (осуждая ихнюю ксенофобию и наивную приверженность националистическим идеям), но солидаризироваться, во втором же случае они становятся простым орудием эксплуататоров, а следовательно, нашими врагами.

Именно это и случилось с чеченским партизанским движением к началу второй войны: в течение 1995 - 1999 гг. *постепенно менялся его классовый характер* (этот процесс ускорился после заключения перемирия между российской и чеченской буржуазией в 1996 г. и в 1999 г. был уже вполне завершен). Всякое стихийное самоорганизованное движение эксплуатируемых масс рано или поздно бывает *неизбежно* подчинено кем-нибудь: либо пролетарской революционной партией, организованной в соответствии с принципом демократического централизма (то есть так, что внутри нее перемешаны, говоря в терминах Георгия Васильева, отношения коллективного управления и отношения авторитарного управления, при некотором преобладании последних. Та или иная степень преобладания отношений авторитарного управления необходима *всякой* организации, созданной для войны: отряд, в котором нет командиров, не может действовать так же быстро и согласованно, как его противник, имеющий командиров, - а значит, не может победить), либо эксплуататорскими политическими организациями. Пролетарской партии в Чечне, так же как и во всем мире, на сегодняшний день нет - следовательно, стопроцентное подчинение партизанского движения буржуазии было трагически-неизбежным. Националистическая идеология чеченских партизан очень сильно способствовала ускорению этого процесса.

За время первой войны та часть слабой чеченской буржуазии, которая не пошла на компромисс с буржуазией российской, активно искала себе сильных капиталистических покровителей - и нашла их в лице некоторых фракций буржуазии Саудовской Аравии. А поскольку *политической организацией* саудовско-аравийской буржуазии является унаследованная ею от тамошних же феодалов *религиозная секта* ваххабитов, то буржуазные вожаки чеченских партизанских отрядов, продавшись буржуям из Саудовской Аравии, примкнули к этой секте. Тем самым они обрели ту самую централизованную политическую организацию, с помощью которой они превратили рабоче-крестьянские партизанские отряды в формирования *профессиональных* бойцов, являющихся не более, чем простыми орудиями в руках своих буржуазных хозяев. Партизанские отряды очень легко поддались этому превращению: разочарование чеченских трудящихся в завоеванной ими "независимой Ичкерии", наряду с их националистическим и ксенофобским мировоззрением, способствовало их

деморализации, превращению самоотверженных борцов с российскими оккупантами в наемников, героизм которых уже нуждался в подкреплении деньгами и религиозным фанатизмом. Переход чеченских партизанских отрядов под руководство ваххабитской секты означал *поправление* партизанского движения: став более централизованным, а значит, более подконтрольным буржуазии, оно превратилось из частично буржуазного - частично мелкобуржуазного - и на какую-то долю процента даже пролетарского движения в не просто чисто буржуазное, но, в силу своей ксенофобской идеологии, в крайне правое, фашистское движение. *Чеченское партизанское движение стало ничем не лучше своего противника - российской буржуазной армии.*

В первой войне с чеченским партизанским движением можно и нужно было солидаризироваться (разумеется, ограниченно, критически солидаризироваться): при отсутствии пролетарско-революционной организации это движение - более способствующее разрушению, чем укреплению буржуазной государственности, хотя и очень непоследовательное в этом самом разрушении (в том числе и в силу своей националистической идеологии) - было лучшим из всего, что было реально возможно. На безрыбье, как говорится, и рак рыба... Однако для второй войны такая позиция уже не годилась. В своей статье Марлен Инсаров коротко и ясно сформулировал, чем ее следовало заменить:

"Позиция, которую должны занимать пролетарские революционеры по поводу чеченской войны - это единственно возможная позиция пролетарских революционеров в межимпериалистических конфликтах после 1914 г.: революционное поражение на обе стороны и призыв к превращению войны империалистической в войну гражданскую, призыв к российским и чеченским солдатам поворачивать автоматы против своих господ. А так как главный враг пролетария - буржуй из его собственной страны и так как в межимпериалистических конфликтах поражение более сильного империализма благоприятнее для борьбы пролетариата, то российские пролетарские революционеры должны рассматривать поражение российской армии как меньшее зло по сравнению с ее победой".

Впрочем, основной практический вывод из этой позиции для пролетарских революционеров остается тот же, что и из ограниченной солидарности с чеченским партизанским движением в первой войне: борьба за вывод российских войск из Чечни *без всяких переговоров и условий*. Мы точно так же против мирных переговоров между буржуазными политиками, как и против малых и больших империалистических войн; буржуазный мир, который есть по своей сути сговор буржуев разных наций, так же враждебен нам, как и буржуазная война. Поэтому мы не будем митинговать под лозунгом "Кремль, немедленно заключай мир с Ичкерией!"; мы скорее попробуем подсказать бастующим рабочим, чтобы они добавляли к своим экономическим требованиям еще и требование немедленного вывода российских войск из Чечни без всяких переговоров и условий.

Сформулировав позицию пролетарских революционеров во второй чеченской войне, тов. Инсаров пишет дальше:

"Призыв к превращению войны империалистической в войну гражданскую не рассчитан на немедленный успех. Начало империалистической войны всегда сопровождается националистическим угаром, но чем дольше длится война, тем сильнее отрезвление. Никакие трюки с «национальной идеей» не засыпят пропасть между

пролетариатом и буржуазией, пушки вместо масла не накормят голодных, буржуазное государство с Ельциным или Зюгановым, Путиным или Примаковым во главе было и останется слугой эксплуататоров и врагом эксплуатируемых. Фактически произошедшая смена либеральной политики на национал-патриотическую не дала и не могла дать российскому пролетариату ничего, кроме новой крови, слез и лишений. И с каждым новым днем войны количество крови, слез и лишений будет расти, а с ним будут расти возмущение, ненависть и решимость пролетариев. За 1914-м последовал 1917 г., захватническую войну хищной буржуазной банды сменит единственно справедливая, единственно священная гражданская война пролетариата против буржуазии".

В этом абзаце дан ответ тем, кто задает нам вопрос: а зачем вам - маленькой и слабой группе - вообще нужно занимать какую-то позицию по войне в Чечне и подробно обосновывать эту позицию, если вы не можете реально повлиять на ход событий? И что толку в том, чтобы пропагандировать интернациональную революцию нынешним российским пролетариям, либо просто аполитичным, либо вконец одурманенным ядом русского национализма?

Нет толку сейчас - будет позже. Если эта война слишком мала, чтобы отбить у наших пролетариев всякий патриотизм, - что ж, это сделают последующие войны. Вот уже около ста лет, как мировая экономика, живущая по законам монополистического капитализма, движется по повторяющемуся циклу; и сейчас она находится как раз в той его стадии, которая в прошлом веке предшествовала обеим мировым войнам - мировой рынок перенасыщен, платежеспособный спрос на товары мирного назначения отстает от их предложения, экономика всего мира (в том числе и самых высокоразвитых стран) находится в застое, и монополиям гораздо выгоднее не вкладывать средства в техническую модернизацию мирного производства, а организовать новый большой передел мира между собой, попробовать выиграть в этом переделе и приобрести новые сферы влияния, отнятые у конкурентов, а заодно и хорошо заработать на государственных заказах во время войны. Как и накануне обеих мировых войн, все чаще в разных уголках мира - и прежде всего на Балканах, на Ближнем и Среднем Востоке - разгораются очаги непрекращающихся конфликтов, где на смену только что закончившимся войнам начинаются новые, еще более широкомасштабные. Пока что капиталистические монополии ограничиваются этими войнами, да еще и раздуваемым из всех сил мыльным пузырем буржуазной пропаганды - "угрозой международного терроризма" - как поводами для получения новых государственных заказов на производство оружия; но скоро их перестанут удовлетворять те относительно небольшие госзаказы, которые можно получить под такими мелкими предлогами - и чтобы заработать по-настоящему, они разожгут такую же большую войну, как те мировые войны, что дважды случались в прошлом веке. Это не обязательно будет единая мировая война, в которой государства Земли разделятся лишь на два лагеря; может быть, это будет несколько больших войн, которые начнутся по разным поводам и почти одновременно будут идти в разных регионах мира. В этой войне (или войнах) вовсе не обязательно будет широко использоваться ядерное, химическое и бактериологическое оружие, хотя кто же может это с уверенностью гарантировать... Кто с кем будет воевать, тоже предсказать трудно - так же, как это трудно было предсказать накануне второй мировой войны, когда империалистические державы, прежде чем окончательно распределиться по разные стороны фронта, по несколько раз меняли своих друзей и врагов (то

СССР дружил с Англией и Францией против Германии, то вдруг Англия и Франция нашли в Мюнхене с Германией общий язык, то СССР с Германией задружился, то опять объединился с противниками Германии - вновь рассорившейся с нею Англией и США...). Что можно предсказать с уверенностью - так это то, что *третий большой империалистический передел мира будет еще более кровавопролитным и разрушительным, чем первые два*. И так же, как и во время первых двух мировых войн, огромные массы пролетариев будут вооружены, организованы в воинские части, доведены до отчаяния бессмысленной бойней и поставлены в такую ситуацию, когда им будет нечего терять и их жизненный выбор будет ограничен двумя путями: либо гибнуть в бою за прибыли своих господ, либо повернуть оружие на своих начальников и попытаться взять власть в свои руки. А это значит, что за третьей всемирной бойней последует, так же как и за первыми двумя, волна революций, которая прокатится по многим странам мира.

Россия и Украина обязательно окажутся втянутыми в грядущую войну: их буржуазия не настолько слаба, чтобы отказаться от участия в переделе мира, но в то же время слишком слаба для того, чтобы быть способной делить мир чужими руками и зарабатывать на войне, стоя в стороне от нее и продавая оружие воюющим государствам. В отличие от времен второй мировой войны, на территории бывшего СССР нет и не будет таких мощных тоталитарных государств, которые могли бы в зародыше подавлять недовольство масс и предотвращать революционный взрыв; а это значит, что вслед за войной в России и Украине начнется революция, как это уже однажды было в конце первой мировой войны. И вот тогда-то наша пропаганда окажется к месту, и маленькие группы вроде нашей, выступающие за поражение всех сторон и превращение империалистической войны в гражданскую, превратятся в большие и мощные организации пролетариата, борющиеся за его власть.

А пока что наша задача - собирать вокруг себя таких людей, которые *уже сейчас* равно ненавидят всех господ и всех начальников. Именно для этой цели нам и служит пропаганда лозунга: "революционное пораженчество на все стороны и призыв к превращению войны империалистической в войну гражданскую" - по поводу всех империалистических конфликтов, в том числе и по поводу второй русско-чеченской войны. Мы прекрасно понимаем, что сейчас не сумеем уговорить многих российских солдат повернуть автоматы против своих господ (что же касается чеченских партизан, то они нас просто не услышат); однако главное сейчас - это *найти в российском тылу хотя бы немногих пролетариев, которые согласились бы с этой позицией*. Эти люди, объединившись в революционную организацию, и станут тем ядром, вокруг которого в уже недалеком будущем, во время предстоящих больших войн, сложится подпольная пролетарская партия.

При этом очень важную роль сыграет в нашей пропаганде то, что мы различаем две чеченские войны и не отказываемся замечать, что в первой из них партизанское движение не было чисто буржуазным, но в большой мере было мелкобуржуазным, а немножко даже и пролетарским (учтя и суммируя все эти моменты, его можно квалифицировать как в основном мелкобуржуазное). Наше признание того, что в первой войне нужно было частично солидаризироваться с чеченскими партизанами, предотвращает превращение нашей группы в кружок начетчиков, высокомерно поучающих трудящихся, как им следует и как не следует бороться, и отказывающихся поддерживать эксплуатируемые массы, если они в своей борьбе не проявляют стопроцентной пролетарской сознательности.

Если эксплуатируемые трудящиеся сами взяли в руки оружие и сами организовались для борьбы со своими угнетателями; если эти самые угнетатели не играют настолько прогрессивной роли в развитии общества, что эта роль могла бы оправдать отказ пролетарских революционеров от поддержки масс, борющихся с этими угнетателями (пример - восстание в Кронштадте, подавленное большевиками во главе с Лениным и Троцким; хотя большевики в данном случае уже выступали как эксплуататоры, а не как революционеры, но кронштадтские повстанцы все же настолько легко могли быть использованы - и настолько охотно были готовы дать себя использовать - всякой белогвардейщиной, очевидно и многократно более реакционной, чем тогдашние большевики, что кронштадтское восстание таки надо было подавить), - значит, обязательно надо хотя бы с критическими оговорками, но все же солидаризироваться с этими трудящимися, даже если они темны и несознательны, толком не осознают своих интересов и борются не со всеми своими угнетателями. Одно дело - большой легальный профсоюз или какое-нибудь там антиглобалистское движение, и совсем другое дело - ни от кого не зависимый партизанский отряд; даже если члены последнего еще меньше осознают свои классовые интересы, чем члены первого и второго, все равно такой партизанский отряд стоит того, чтобы пролетарские революционеры радовались его победам как своим, а вот бюрократизированный профсоюз или состоящее из централизованных оппортунистических организаций антиглобалистское движение - ни капельки. Из всех централизованных организаций поддержки и сотрудничества со стороны пролетарских революционеров заслуживает только плюющая на всякую легальность группа или партия с последовательной пролетарско-революционной идеологией; кроме таких организаций, пролетарские революционеры могут солидаризироваться только со стихийными самоорганизовавшимися, децентрализованными движениями эксплуатируемых масс - до тех пор, пока эти движения не вступили в борьбу с пролетарско-революционными организациями. (Впрочем, еще возможно ограниченное сотрудничество с последовательными анархо-коммунистическими организациями - разумеется, до тех пор, пока те идут на такое сотрудничество.)

Однако вернемся к тому, с чего мы начали нашу статью, - к террористическим актам чеченских боевиков на территории России.

Следует обратить внимание на одно очень важное обстоятельство, наблюдавшееся в течение второй половины 90-х гг.: чем дальше шел процесс обуржуазивания чеченского партизанского движения, чем меньше командиры партизанских отрядов оставались зависимыми от своих бойцов, чем больше они забирали власти над рядовыми партизанами - тем больше становилась их зависимость не только от интересов части чеченской буржуазии, но и от арабских, российских и всяких прочих зарубежных буржуев. Иначе говоря, по мере деморализации чеченских трудящихся возрастала продажность их командиров. Их уже легко мог купить кто угодно - в том числе и буржуи (или буржуйские чиновники) из враждебной им России. Именно поэтому чем дальше в прошлое уходил декабрь 1994 года, тем чаще среди акций чеченских партизан стали встречаться такие, которые полностью шли вразрез с интересами той же самой части чеченской буржуазии, которая воевала за независимость Ичкерии и к которой принадлежат командиры партизанских отрядов. "Какую выгоду могли получить ваххабитские террористы от взрывов пролетарских домов в России? -

Никакой. Какую выгоду получили от них русская буржуазия и ее государство? - Огромную..." - Ларчик открывается просто: за пару десятков тысяч "зеленых" нынешний "полевой командир" готов на такие дела, которые сильно вредят его же классу, его же национальной буржуазии в целом.

В первую чеченскую войну партизаны сражались с самодельными автоматами "Борс" ("Волк") в руках - и об них обломала себе зубы сорокатысячная российская армия. Сегодняшние боевики держат в руках современнейшее оружие - и при этом Кремль с легкостью использует их в качестве своих марионеток, с помощью которых запугивается российский обыватель. Спросите, зачем запугивать российского обывателя? - А для того, чтобы он покорно выносил все, что ни вытворяет с ним российское государство - лишь бы только от злых чеченов защитило. Вот, например, в Свердловской области целый город, Алапаевск, замерзает - а рейтинг Путина все равно высок. А как же: он же наш надежда, наш защитник от террористов... *Чтобы пролетарий был покорным обывателем, недостаточно его угнетать - надо убедить его в том, что он слаб и незащищен перед лицом некоей угрозы, от которой его может защитить только государство своей родимой национальной буржуазии. Следовательно, это государство заинтересовано в существовании такой угрозы. Следовательно, если ее нет, то само же буржуазное государство ее и создаст.*

Так поступает отнюдь не только российское буржуазное государство. Точно по той же схеме действуют США, раздувая "угрозу международного терроризма" с помощью старого агента ЦРУ Усамы бен Ладена (подробнее об этом см. в статье Марлена Инсарова "Новый век и старый империализм", опубликованной в №2 "Пролетарской революции"). Американские спецслужбы действуют не менее грубо и нагло, чем российские: для примера достаточно хотя бы того, что боевики-камикадзе, направившие самолеты на Всемирный торговый центр и Пентагон (изумляет расточительность буржуазии и военщины США: ради того, чтобы создать достоверно выглядящий предлог для новых войн в Персидском заливе, они даже здание Пентагона не пожалели!), тренировались на аэродромах не где-нибудь в афганских пустынях, а *в штате Флорида...* Буш и его ЦРУ точно так же держат за дураков американцев, как Путин и его ФСБ - россияне.

А теперь, уважаемые читатели, давайте задумаемся вот над чем. Раз то самое государство, которому его граждане доверяют защищать себя, в любой момент может убить любого из этих граждан ради экономических и политических интересов господствующего класса капиталистов; раз, таким образом, ни ваша жизнь, ни жизнь ваших детей абсолютно не гарантирована, и вы являетесь просто игрушками в руках крупного капитала и принадлежащего ему государства - *то какой смысл имеет жизнь тех простых людей, которые стараются выжить по действующим правилам игры, быть лояльными гражданами этого государства, вырастить в нем своих детей, не пытаясь изменить это общество?* - Ясное дело, что никакого: в любой момент все их усилия, все их самые заветные надежды и стремления могут быть обращены в прах, и у них и их детей может быть отнято все, чего они добивались десятилетиями тяжелого труда, могут быть отняты здоровье и сама жизнь. Современный простой человек по сути дела *ничем не отличается от раба, с которым хозяин в любой момент может сделать все, что угодно.* Только одним отличается современный пролетарий или представитель "среднего класса" от римского раба: если последнему бессмысленность его жизни была совершенно ясна, то от современного обывателя ее скрывает туман иллюзий, навеянных

системой образования, законодательством, средствами массовой информации, болтовней политиков... На самом же деле *жизнь современного простого человека приобретает смысл лишь в том случае, если он - вместе с себе подобными - восстает и старается насильно изменить общество.*

Как именно возможно и нужно изменить общество, чтобы рядовые труженики сами стали хозяевами своей судьбы, и тем самым их жизнь и жизнь их детей обрела бы смысл? - Если бы мы жили при какой-нибудь открытой, не ограниченной никакими демократическими учреждениями диктатуре, то ответ напрашивался бы сам собой: уничтожить диктатуру и установить демократический образ правления. Но вся загвоздка в том, что *мы живем как раз при демократии.* В конце 80-х - начале 90-х гг. у нас уже уничтожали тоталитаризм и заменяли его буржуазной демократией; при этом прописанные в тексте законов правовые нормы, гарантирующие демократические права и свободы граждан, у нас ничуть не менее широки, чем в старых буржуазных демократиях. Может быть, нам скажут, что в России и Украине нет настоящей буржуазной демократии, потому что хорошие демократические законы этих государств не применяются на деле? - О'кей; вот перед нами США, где, по общему признанию буржуазных демократов, хорошие демократические законы сравнительно неплохо применяются, - и что же мы видим? *То же самое, что и у нас:* в любой момент демократическое государство может отправить на тот свет энное количество своих случайно подвернувшихся под руку "свободных граждан", как беззащитных кроликов... *Все различие между античным рабством и современной демократией заключается в том, что римские рабовладельцы убивали тысячи рабов на арене цирка **открыто, без стеснения,** а современные демократические государства делают на арене политического цирка то же самое со своими гражданами **исподтишка, нанимая для этого продажных кондотьеров, посылающих своих фанатичных солдат убивать и умирать.***

Что же надо изменить в этом обществе, чтобы перестать быть кроликами, стать людьми и жить по-человечески? - *Для начала надо отнять у капиталистов политическую власть и установить диктатуру пролетариата.*

Для чего нужна диктатура пролетариата? - Для того, чтобы *человечество начало переходить к общественной собственности на производительные силы.*

Что такое "общественная собственность?" Кто конкретно владеет ею?

Собственник - это тот, кто управляет вещами и людьми; и в чем большей мере тот или иной субъект причастен к управлению определенными вещами и людьми, в тем большей мере он является их собственником. Например, начальник цеха в малой мере причастен к собственности на капиталистическое предприятие; директор завода - в гораздо большей мере; а в наибольшей мере - владелец контрольного пакета акций предприятия, назначающий и сменяющий директора, других высших управленцев и принимающий стратегические решения по управлению предприятием. Если собственником производительных сил (средств производства и рабочих сил) является общество, то это значит, что *все его члены* причастны к управлению всеми производительными силами, имеющимися в наличии в данном обществе - причастны во всяком случае *в не меньшей мере,* чем владелец контрольного пакета акций капиталистического предприятия причастен к собственности на это предприятие.

Что такое общественная собственность, можно себе представить по аналогии с первобытными общинами. Если сравнить системы производственных

отношений в различных племенах, исследованных и описанных этнографами в разных уголках земного шара, то мы увидим, что чем более первобытной является та или иная община,

тем больше вопросов решается в ней не какими-то лидерами, а на общем собрании племени, и тем меньше роль лидеров в подготовке решений этих вопросов,

тем больше зависимость лидеров от подчиненных (в действительно первобытной общине все лидеры могут быть переизбраны в любой момент по желанию своих подчиненных),

тем чаще встречается такая практика, что лидеры избираются лишь для руководства какой-то одной акцией - например, походом на охоту или войну, - и по ее окончании автоматически перестают быть лидерами.

Все управляют всеми, и трудно определить, кто при этом играет бóльшую роль, - вот что такое общественная собственность на производительные силы.

Очевидно, что в СССР (а также во всех других государствах, где у власти стояли "коммунистические", "социалистические", "рабочие" и т. п. партии) не только отсутствовала общественная собственность на производительные силы, но даже и переход к ней еще не начинался. О начале перехода к общественной собственности на производительные силы, к бесклассовому обществу можно говорить лишь тогда, когда *сразу* после взятия пролетариатом политической власти в отнятом у капиталистов секторе производства и распределения продукции устанавливаются такие порядки, при которых *по меньшей мере около половины руководителей избираются своими подчиненными и могут быть переизбраны ими в любой момент, по их желанию - и в дальнейшем процент таких руководителей возрастает, а роль руководителей в управлении экономической деятельностью снижается, и все большее количество решений принимается непосредственно, без всяких лидеров, малыми, большими коллективами и всем обществом как единым коллективом.* Если ничего такого после взятия пролетариатом политической власти не происходит, то это значит, что пролетарии, отобрав производительные силы у одних эксплуататоров, передают их другим эксплуататорам и что пролетарское государство тоже постепенно переходит в собственность к новым эксплуататорам, переставая быть пролетарским (государство, возникшее в ходе Октябрьской революции, в основном перестало быть пролетарским уже к концу гражданской войны, окончательно став эксплуататорским в течение 20-х гг.).

Первобытным людям, организованным в маленькие общины, нетрудно было в каждой такой общине осуществлять общественную собственность на производительные силы. *Для того, чтобы общественная собственность осуществилась в наше время, необходимо, чтобы миллиарды людей могли совместно, без всяких лидеров обсуждать и принимать решения, приходя к единому мнению в течение коротких промежутков времени - а в тех случаях, когда лидеры все-таки необходимы, совместно контролировать их так же постоянно и плотно, как капиталист контролирует своих наемных менеджеров, и быть готовыми в любой момент сменить их.* До Научно-Технической Революции ничего подобного осуществить было невозможно; в результате НТР, с появлением компьютеров и компьютерных сетей (таких, как те, что применяются в ГПС - "гибких производственных системах" - или как сеть нового поколения GRID, совместно разрабатываемая сегодня научно-производственными центрами в ряде стран мира: в GRID какое угодно число персональных компьютеров - а следовательно, и их пользователей -

объединяется в один супермозг, вырабатывающий и принимающий решения как единый субъект), появились технические предпосылки для перехода к бесклассовому обществу. *Пролетарские восстания первой половины XX века - в том числе и Октябрьская революция - хотя и были бесспорно прогрессивны (нет никаких сомнений в том, что их стоило делать), но при этом никак не могли послужить началом перехода человечества к социализму (т. е. к коллективизму); пролетарские восстания XXI века начнут такой переход.*

Переход человечества к общественной собственности на средства производства и рабочую силу наверняка будет очень долгим; однако он даже *сам по себе* - то есть даже независимо от того коллективистского (т. е. сперва социалистического, а затем вполне коммунистического) будущего, к которому он приведет - стоит того, чтобы ради него бунтовать и устанавливать диктатуру пролетариата. Даже такое общество, в котором молодые растущие коллективные отношения еще перемешаны с отношениями, присущими классовому обществу; даже такое общество, в котором еще не исчезли деньги и не совсем исчезло государство (еще сохраняется диктатура пролетариата - а значит, говоря словами Ленина, пролетарское *полугосударство*), - даже оно уже *начнет* решать проблему гармонического приспособления друг к другу производства, окружающей среды и человеческого организма. Иными словами, уже переходное общество *начнет спасать человечество* от той угрозы, от которой его никак не может спасти классовое общество - от угрозы гибели в результате экологической катастрофы (об этом см. в №1 "Пролетарской революции"). И даже на самых ранних стадиях начала перехода человечества к коллективизму - когда диктатура пролетариата установится еще не во всех странах мира, - даже тогда, когда еще будут идти войны между мировым пролетариатом и гибнущими, одно за другим, буржуазными государствами, диктатура пролетариата *уже даст трудящимся то сладкое чувство уверенности в будущем, которое возникает у людей, взявших свою судьбу в свои руки.* Ради этого стоит делать революцию - даже несмотря на то, что при социализме нашему поколению пожить не удастся (хорошо еще, если правнуки доживут...).

Свергнуть политическую власть капиталистов пролетарии смогут лишь насильственным путем, лишь будучи вооружены. И если они, захватив политическую власть в свои руки, удержат ее; если они начнут брать производительные силы в общественную собственность, а не отдадут их (вместе с политической властью) новым хозяевам, - то это значит, что *оружие у них так и останется. Все трудящиеся, объединенные в малые и большие коллективы, будут вооружены. И они сами, без отрядов полицейских, будут поддерживать общественный порядок.*

И в обычных классовых обществах бывает так, что простые граждане вооружены и могут сами защитить себя (хотя монополия на самое мощное оружие там все-таки остается у служащих эксплуататорским классам армии, полиции и мафии). Так, например, в США можно довольно легко и не слишком дорого *легально* приобрести пистолет или винтовку. И от этого тамошняя преступность вовсе не идет на убыль... Однако уже в начале периода перехода к коллективизму основной ячейкой общества станет не отдельная личность или маленькая семья, а *трудовой коллектив*, члены которого не только совместно управляют своим предприятием, но и на свои *общие* средства строят и ремонтируют свое жилье, опять-таки на общие средства *совместно* растят и воспитывают своих детей, совместно поддерживают общественный порядок на

той или иной территории, сами - на своем общем собрании - осуществляют целый ряд судебных функций... А теперь представим себе, что будет с грабителями и разбойниками, с террористами и прочими преступниками, которые попробуют орудовать в обществе, состоящем из таких трудовых коллективов? Это вам не современный большой город, где даже соседи по подъезду друг другу чужие и зачастую не знакомы, где человек одинок в толпе и где за него некому вступить... *Основа существования преступности - отчуждение людей друг от друга*; в переходном же к коллективизму (и тем более в коллективистском) обществе, где не только все вооружены, но и все всем свои, где никакого шила в мешке не утаишь и где суд и расправу над тобой будут вершить, в случае чего, не профессиональные судьи по формальному закону, а члены твоего же трудового коллектива (и твои же соседи) по народному обычаю, - какая в таком обществе может быть преступность? Да в таком обществе всякий начинающий преступник будет тут же выявлен и сразу же уничтожен - без всяких там рассуждений о негуманности смертной казни, трагической возможности судебной ошибки, но в то же время и без возможности подкупить судей, обойти закон и т. п. *Уже в обществе, переходном к коллективизму, почва для терроризма и преступности начнет исчезать* - и хотя до тех пор, пока не исчезнут деньги, воровство, пожалуй, продержится, но терроризм исчезнет гораздо раньше. Тем более, что при диктатуре пролетариата уже не будет такого государства, которое могло бы втайне нанимать террористов для запугивания своих собственных граждан.

Необходимо отметить еще одно обстоятельство. Как мы видим на примере разрушения Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и захвата "Норд-Оста", монополистический капитал уничтожает, как кроликов, не только пролетариев, но и представителей "среднего класса", и даже буржуев. Ради того, чтобы создать повод для передела сфер влияния на мировом рынке, получения больших военных госзаказов и ужесточения эксплуатации пролетариев, огромные промышленные, банковские и торговые корпорации не жалеют даже отдельных представителей класса капиталистов - а тем более всякой мелкой буржуазии и прочей среднелассовой толпы... *Однако отсюда не следует делать вывод о том, что в борьбе с империализмом пролетариат может заключить союз - хотя бы даже очень ограниченный, с большими оговорками - с какими-либо группировками внутри буржуазии*. Напротив, можно только порадоваться, что одни наши враги уничтожают других - *и продолжать одинаково бороться против любых эксплуататорских группировок во всем мире*.

Что же касается мелкой буржуазии... Единственная ее разновидность, с которой стоит пытаться заключать союзы и вовлекать ее в революционное движение *как массу* - это крестьяне-середняки, у которых в хозяйстве работают только члены их семьи. Такие крестьяне, которые восставали в 1994-95 гг. в Чечне и в 1997 г. в Албании. Причем лишь те из них, которые победнее, стоят того, чтобы попытаться с ними подружиться; а такие крестьяне *в массе* остались далеко не во всех регионах земного шара... В современных же городах вообще не осталось такой мелкой буржуазии и прочих средних классов, которые могли бы *в своей массе* стать союзниками рядовых наемных работников, когда те поднимутся-таки на революцию. Так, например, не только отдельные люди, но и целые группы, скажем, рядовых полицейских могут стать союзниками повстанцев; но вряд ли стоит надеяться на *массовый* переход этих самых рядовых полицейских в ряды бунтующих пролетариев. Не стоит также надеяться

на массовую поддержку со стороны, скажем, школьных учителей (несмотря на их бедность), сантехников, официантов и таксистов-частников (несмотря на их не ахти какой высокий уровень жизни): хорошо зарабатывающий пролетарий взбунтуется куда как скорее, чем зарабатывающий хуже него сантехник или официант (полупролетарий - полу-мелкий буржуа, не только продающий свою рабочую силу нанимателю, но и получающий за качество своих услуг непосредственно с клиента) - потому, что пролетарий, даже если получает больше продавца услуг, острее чувствует свое подчиненное, несвободное положение в этом обществе... А что уж говорить о более зажиточных представителях "средних классов" - например, о банковских служащих или о заводском начальстве низшего ранга? Что уж говорить о хотя и беднейших среди капиталистов, но все-таки капиталистах - например, о мелких торговцах-посредниках? *Именно такая публика в основном и гибла во Всемирном торговом центре и в захваченном чеченскими боевиками доме культуры в Москве. Это не наши люди, и не следует слишком уж сожалеть об их несчастной судьбе: они ведь тоже не очень-то жалеют нас, пролетариев, презрительно глядя на нас с "высоты" своего социального положения.*

Если же во время терактов гибнут пролетарии и бедные мелкие буржуа - это уже *наши* жертвы. Но вот на что нужно обратить внимание, и вот что вызывает особую грусть: *в этих жертвах есть доля вины и самих пролетариев.* Например, что сделали российские пролетарии в 1994-96 гг. для того, чтобы чеченский партизан видел в них своих друзей, а не врагов - и отказался бы закладывать мину под их дома, на вокзале или на улице? - *Да ничего не сделали: российский пролетариат равнодушно смотрел на то, как российское буржуазное государство истребляет героических чеченских повстанцев и их родичей.* Более того, многие российские пролетарии (по большей части молодые) идут служить в Чечню "по контракту" - становятся наемниками, зарабатывающими деньги на истреблении чеченского народа... И после этого российский работяга еще частенько негодует на чеченского работягу за то, что тот ненавидит всех русских, не различая богатого и бедного, начальника и подчиненного - *хотя именно сам российский работяга дал ему на то веские основания!..*

Российский пролетариат очень виноват перед чеченскими эксплуатируемыми трудящимися. Эту свою вину он смоем лишь тогда, когда объединится с чеченскими пролетариями и мелкими буржуа - и развалит российское буржуазное государство, совершив интернациональную революцию.

Пролетариям России, пролетариям Чечни

Пролетарии России!

Снова наши правители, грабители и душители поднимают патриотический вой, снова призывают нас сплотиться вокруг государства – **их** государства, **бандитского государства** - «ради борьбы с терроризмом», – тогда как главным террористом, убийцей и насильником является само эксплуататорское государство. Снова призывают нас уподобиться теленку, лижущему руку мяснику, и восторгаться «подвигами» властей и спецназовцев – палачей и карателей, удушивших газом 130 заложников и хладнокровно достреливших потерявших сознание пленных – в том числе женщин, – наивных людей, по-глупому веривших, что это государство можно испугать, угрожая убийством его рядовых жителей, на которых этому государству наплевать с высокой колокольни. «Как бы не так!» – ответило государство и убило как заложников, так и не состоявшихся террористов.

Нас уверяют, что это государство – наше государство, отстаивающее общие интересы «всех россиян» - как будто могут быть общие интересы у миллионеров–олигархов Потанина, Дерипаски, Пугачева и пр. и создающими своим трудом все их богатства, а при этом живущими в нищете пролетариев, рядовых наемных рабочих физического и умственного труда!

Это государство – не наше, а **их** государство, государство, принадлежащее богатым, эксплуататорам, миллионерам–олигархам и охраняющее их богатства – отнятые у нас богатства! – от нас, от наших попыток вернуть себе отнятое. Если оно и вступает иногда в конфликт с каким–нибудь выбившимся из общего ряда капиталистом–олигархом, то лишь в интересах других капиталистов, желающих занять его место, как место приближенного к Ельцину еврейского банкира Березовского занял приближенный к Путину православный банкир Пугачев.

Что такое буржуазное государство, кто воплощает его?

Это чиновники, долгими месяцами не платящие зарплату бюджетникам, зато обдeldывающие выгодные делишки с капиталистами. Это менты, бьющие дубинкой бомжа или чуть подвыпившего рабочего и облагающие поборами иногородних рабочих. Это судьи, сажающие голодного бедняка в тюрьму за мелкую кражу и оставляющие нераскрытыми и безнаказанными любые преступления, совершенные представителями буржуазии. Это депутаты и губернаторы, перед выборами обещающие народу золотые горы, а после выборов берущие эти горы себе. Это президент, воспитанник Собчака, наследник Ельцина, сотоварищ Чубайса и Буша, обещавший сажать рабочих, когда те, устав терпеть невыносимую жизнь, перекроют дороги, как сделали они в 1998 г.

И вокруг этой своры нам предлагают сплaчиваться, в них нам предлагают видеть своих защитников! Даже овцы не так глупы, чтобы видеть своих защитников в волке!

Но борьба с терроризмом и экстремизмом?!

Товарищи, пролетарии!

Разве не чувствуем мы на своей собственной шкуре, что весь существующий строй – буржуазный строй – сплошной террор против нас, насилие и убийство – обычно медленное, а иногда быстрое – нас буржуазией и буржуазным государством?! Разве не убивают нас медленно капиталисты, принуждая к изматывающему труду за нищенскую зарплату, которую, к тому же, они имеют обыкновение не платить месяцами?! Разве не убийством будет «реформа ЖКХ», скачок цен за жилплощадь, тепло и свет? Разве повышение цен на лекарства не убивает наших потерявших здоровье на работе товарищей, престарелых родителей и малых детей? Разве не пролетарские сыновья, а дети путиных,

чубайсов, аликперовых и потаниных гибнут на войне в Чечне, ведущейся из-за того, кому достанутся прибыли от нефти?

Именно буржуазный строй и буржуазное государство являются главными террористами, насильниками и убийцами, куда более страшными, чем любой Чикатило или Бен Ладен.

Русское буржуазное государство утверждает, что подавляет в Чечне убийц, бандитов и работорговцев. Спору нет, чеченские верхи, чеченские начальники столь же враждебны пролетариату, как и начальники русские, но чего ради мы будем верить одним бандитам и работорговцам, когда те возмущаются другими бандитами и работорговцами? Разве то полурабство, до которого русские начальники довели пролетариев в России, не свидетельство того, что в Чечне, где эти начальники могут развернуться совсем бесконтрольно и безнаказанно, они установили режим полного рабства?! Бомбежки чеченских сел, бессудные расстрелы, фильтрационные лагеря, изнасилованные чеченские девушки (как несчастная Эльза Кунгаева, изнасиловавший и задушивший которую полковник Буданов изображается сейчас оклеветанным народным героем), согнанные со своей земли, из своих домов люди – вот что принесли ельцинско–путинские «освободители» в Чечню.

Товарищ, пролетарий!

Длющаяся уже почти десятилетие бойня в Чечне, бойня, на которой с обеих сторон гибнут в массе своей простые трудовые люди – свидетельство того, что капитализм не способен решить национальный вопрос, вопрос мирного сожительства на Земле людей разных языков и рас. Поэтому капитализм должен быть стерт с лица Земли. Этот вопрос не могут решить ни русские, ни чеченские начальники, он не решаем ни в «единой – неделимой» буржуазной России, ни в отделенной от нее буржуазной Чечне. Только мы, пролетарии, сами, свергнув власть буржуазии, сможем вывести мир из кровавого хаоса, только в пролетарской России и братской ей трудовой Чечне – частях Всемирной республики Советов – люди не будут убивать друг друга из-за разницы в языках или оттенках кожи.

Возникшая в 1996 г. фактически независимая Чечня оказалась благосклонной матерью для чеченских предпринимателей и полевых командиров и суровой мачехой для сражавшихся за нее в первую войну рядовых трудящихся. Именно тем, что эти рядовые трудящиеся, разочарованные в независимости и надеявшиеся, что приход русских войск принесет перемены к лучшему, покончит с рабовладельчеством и разбоем, не оказали серьезного сопротивления, и объясняются легкие успехи федералов в начале второй войны.

Но вместо перемен к лучшему трудящиеся Чечни попали в еще бóльшую глубь ада – и стали вновь братья за оружие. Террор государства неизбежно вызывает ответный террор, каратели не могут возмущаться, когда и на них падают кары.

Не видя помощи от нас, пролетариев России, ограбленные, униженные, изгнанные, потерявшие своих близких рядовые чеченцы стали зачастую ошибочно видеть и в нас своих врагов, наносить боевые удары не по российским властям, а по случайно попавшей под руку толпе, по мелкобуржуазным и рабочим людям, виновным разве что в пассивности и равнодушии. Так будет до тех пор, пока мы действием своим не покажем и не докажем, что антинародная власть русской буржуазии – одно, а трудовой народ России – другое. Даже если русская буржуазия смирится с независимостью Чечни (а альтернатива этому – лишь истребление всех чеченцев), недоверие и ненависть простых чеченцев не

исчезнут и кровавая распря будет тихо тлеть (как было в 1996–99 гг.). Она прекратится лишь после прихода к власти в России революционного пролетариата, который рассчитается со своими насильниками, палачами и рабовладельцами, и, предоставив чеченским трудящимся жить, как они хотят, поможет затем им справиться с их насильниками и работоторговцами. Именно так покончили с национальными распрями пролетарии России во время своей великой Революции - нашей Революции! – 1917–1921 годов.

Товарищ, пролетарий!

Буржуазия всегда использовала и использует антитеррористическую истерию, создаваемую ею после спровоцированных, а нередко и организованных ею актов террора, для наступления на наши интересы, для подавления выгодных для нашей борьбы свобод. И события на Дубровке послужили прекрасным предлогом для всего этого.

Устанавливается жесткий контроль над прессой. Пока что он будет использоваться в основном против той буржуазной прессы, которая, в ходе конкурентной борьбы разных групп буржуазии, разоблачает иногда подлости и преступления властей и отдельных олигархов и тем самым, волей–неволей, служит добрую службу пролетариату. В будущем, лишь только станет сильнее наша пролетарская пресса, вся тяжесть этого закона обрушится на нее, чтобы никто не смел объяснять рабочим, кто их друзья, а кто их враги.

Ужесточается контроль за рабочими – мигрантами из стран СНГ. Капиталисты вольны разъезжать по всему миру и вкладывать капиталы во всех концах Земного шара, но потерявший работу рабочий Украины и Молдавии, утративший кров из-за многолетних войн рабочий Азербайджана и Таджикистана, живущий под властью средневекового хана рабочий Туркмении не имеют права искать работу в России – несмотря на все разговоры о «едином экономическом пространстве» и «возрождении Союза».

Товарищ! Пролетарий!

Буржуазия прекрасно знает, что наша сила – в нашем классовом единстве, что обильным прибылям московских строительных фирм придет конец, когда повышения зарплаты и человеческих условий труда дружно, вместе, плечом к плечу потребуют работающие на московских стройках таджики, украинцы, иногородние россияне и коренные москвичи. Именно поэтому буржуазия не покладая рук старается настроить друг против друга пролетариев разных наций.

Сейчас главным объектом травли стали живущие в России, прежде всего в Москве чеченцы. Ежу понятно, что буржуазное государство не трогает и не будет трогать чеченских богатеев и мафиози и что объектом травли стали рядовые чеченцы – те, кого бомбы и пули карателей выгнали из разрушенных родных домов в первую и вторую войну, кто не имеет почти никаких прав и выполняет самую тяжелую и плохо оплачиваемую работу или, не имея возможности устроиться на работу, так как не получает постоянную прописку, перебивается на нерегулярные подачи из благотворительных фондов. Кое–где облеченные властью насильники и холуйствующая перед властью мещанская сволочь травит и гонит даже учащихся в школах чеченских детей. Кто давит слабого – сам слаб и труслив, несправедливость против одного обездоленного – это несправедливость против всех обездоленных.

Товарищ, пролетарий!

Буржуазия говорит нам, что в наших бедах виноваты «отнимающие у нас работу» рабочие других национальностей, «мигранты» и «оккупанты», а не присваивающие себе наш труд господа буржуи. Пока мы, пролетарии,

разделены, мы слабы, когда мы встанем вместе, никто не справится с нами. Те из нас, кто бастовал, хорошо знают, что если на забастовку не встанут все рабочие вместе, независимо от национальности, победа забастовки невозможна.

Экономика разрушена капитализмом, большая часть населения живет впроголодь – много труда надо будет потратить на то, чтобы исправить все это. Так что работы хватило бы на всех, русских и нерусских, если бы не капиталистическая система, лишаящая миллионы людей и работы, и хлеба. Если буржуазное правительство, буржуазная система не могут обеспечить достойную трудовую жизнь для всех, пусть уходят.

Товарищ! Пролетарий!

Главный, смертный враг буржуазии - это наш класс – пролетариат, и цель всей антитеррористической истерии – помешать борьбе пролетариата. По новому закону об экстремизме даже мирный митинг перед городской администрацией можно причислить к терроризму – за «создаваемые затруднения работе администрации», за то, что голос голодных будет мешать пищеварению в чиновничьих брюхах. Что уж говорить о перекрытии дорог – чуть ли ни единственном средстве, до сих пор способном хоть как-то воздействовать на начальство – и за которое поэтому Путин обещал 2 года назад сажать. За попытку организовать перекрытие железной дороги, чтобы помешать ограблению трудящихся путем «реформы ЖКХ», сейчас таскают в ФСБ лидера рабочих Анджеро–Судженска Воробьева; в августе ФСБ не дала шахтерам Ростова–на–Дону провести пикет у вокзала (всего–навсего!). Что будет дальше?

Товарищ! Пролетарий!

Массовым убийством в театре на Дубровке буржуазное государство показало, что оно плюет на жизни обыкновенных людей, что оно пойдет на любые преступления, чтобы защитить прибыли, власть и престиж богачей и начальников – прибыли, власть и престиж, достигнутые насилием (разве не самое массовое и главное насилие – то, посредством которого у наемных рабочих отнимаются плоды их труда?!) и убийством и требующие для своего сохранения все новых насилий и убийств. Так запомним же это!

Пролетарии!

Убийством беззащитных, потерявших сознание пленных (наивных «террористов», требовавших мира от карателей, которые сами, вместо террористов, задушили газом заложников) – тогда как даже для торжества буржуазного правосудия и раскрытия правды нужно было взять их живыми – наше бандитское буржуазное государство хочет утратить нас, показать, что всем, кто осмелится встать у него на пути, оно не даст пощады. Так запомним же этот урок, не утратимся и, когда придет наш черед, пусть не просит оно у нас пощады!!!

Пролетарии Чечни!

Пережившие бомбежки, расстрелы, грабежи, фильтрационные лагеря, потерявшие убитых сыновей, отцов и братьев, изнасилованных дочерей и сестер, изгнанные из разбомбленных домов, ютящиеся в лагерях беженцев в Ингушетии и Панкиси, травимые государственной властью и патриотической сволочью!

Жертвы, которые взял с вас капитализм для своего сохранения – самые страшные жертвы; ужасы, которым подверг он вас – ужасы вдвойне. Если пролетариям в России при нем пока что невозможно жить по–человечески, вам

нередко невозможно жить вообще. Ваша жертва – наибольшая, и ваш вклад в его свержение может быть огромен.

Пролетарии Чечни!

Ваши сыновья, а теперь и дочери, чтобы сопротивляться карателям, нередко идут в партизаны, в «шахиды». Пусть возмущаются и морально негодуют ими высокоморальные друзья насильника Буданова и газификатора Путина. Те, кто пошел на смерть ради общего дела, вызывают уважение и у нас, несогласных с их целями и методами. Вопрос в том, чего могут они достигнуть на том пути, по которому идут.

Пролетарии Чечни!

Войну против вас ведут и осуществляют геноцид против вас не русский трудовой народ, не российский пролетариат. Делают это русская буржуазия, русское буржуазное государство – злейшие враги трудового народа России. В чем виноваты трудящиеся России – так это в пассивном попустительстве, непротиводействии этому геноциду. Но нужно признать, что точно так же они не противодействовали и геноциду против самих себя - тому геноциду, которому подвергает их российская буржуазия.

Пролетарии Чечни!

Убийство и взятие заложниками ни пролетариев России, ни даже представителей ее "среднего класса" не может воздействовать на власть в России, так как этой власти глубоко наплевать на жизнь своих подданных – что она и показала газификацией театра на Дубровке. Зато это отталкивает в палаческие объятия властей трудящихся, пролетариев России – между тем как лишь в союзе, в совместной борьбе с российским пролетариатом возможно освобождение обездоленных Чечни – как бы ни казалось это невозможным сегодня.

Пролетарии, трудящиеся Чечни!

История вашей борьбы в 19 – 20 веках доказывает невозможность национального решения общественных бедствий.

В 19 веке ваши предки – свободные общинники – поднялись против нарождающейся феодальной аристократии ханов и беков под знаменем крестьянской революции – знаменем мюридизма. В замечательной кампании революционного террора ханы и беки были истреблены – и мюридское государство несколько десятилетий сопротивлялось всей мощи царской империи. В войсках Шамиля сражался полк из беглых русских солдат - бывших крепостных, сбежавших из-под шпиритутенов сражаться за вашу и нашу свободу.

Однако крестьянская революция не могла кончиться победой, наибы Шамиля стали новыми угнетателями–феодалами, и в конце концов царизм одержал верх.

Спустя несколько десятилетий произошла Великая Октябрьская Революция, бывшая в том числе и антиколониальной революцией. Ваши предки во главе с незабвенным героем Асланбеком Шериповым пошли вместе с русскими рабочими и крестьянами против помещиков и генералов. В результате на несколько лет они завоевали лучшую жизнь и вдохнули сладкий воздух свободы.

Но революция в России не смогла перекинуться на весь мир, а потому с неизбежностью потерпела поражение. Вместо социализма – строя трудового товарищества – воцарился эксплуататорский строй, в котором место прежних капиталистов занял единый господин, государство, для которого любые свободы были лишь помехами. Вместо старого ярма на шею трудящихся Советского Союза через несколько относительно свободных лет стали надевать новое ярмо.

Вы сопротивлялись, поднимались на восстания. Не видя союзника в раздавленном контрреволюцией российском пролетариате, некоторые из чеченских националистов стали видеть союзника в конкуренте русского империализма – немецком империализме. Для чеченских трудящихся от этого выбора не было бы ничего хорошего – ни один угнетатель не может быть другом угнетенного. После этого последовала сталинская депортация, а затем хрущевская реабилитация.

В начале 1990-х годов вы снова поднялись на борьбу – против привилегий «номенклатуры», как называли этих эксплуататоров тогда. Казалось, вы добились победы, Доку Завгаев был свергнут, однако то, что начало затем устанавливаться, было все такой же эксплуататорской властью.

Пролетарии Чечни!

Причина всех ваших поражений – в том, что вы героически и самоотверженно боролись не за свои, а за чужие классовые требования, и не понимали, что врагом вашим является Капитализм – весь, в целом, представленный как российской буржуазией, ведущей против вас войну на уничтожение, так и западной буржуазией, эту войну молчаливо поддерживающей, а равным образом в лице ваших полевых командиров, то воюющих с русским буржуазным государством, то идущих с ним на темные закулисные сделки.

Пролетарии Чечни!

Единственный путь к вашему освобождению, как бы ни было трудно найти его и пройти им до цели – это путь совместной борьбы с российским пролетариатом против российской и чеченской буржуазии, путь не Дудаева и Хаттаба, а Асланбека Шерипова.

Пролетарии России! Пролетарии Чечни!

Ваш враг, виновник всех ваших бед – это капитализм, чудовищная общественная система, питающаяся потом, слезами и кровью пролетариев, лишенных власти и собственности рядовых наемных рабочих. И покончить со всеми своими бедствиями пролетарии могут, лишь объединившись по всей Земле, разрушив все буржуазные государства и установив свою рабочую власть, интернациональную пролетарскую диктатуру.

Так вставайте же на борьбу, товарищи! От этого государства, от этого строя нам нечего ждать, кроме нищеты, мучений и гибели! Завоевать же мы сможем весь мир!

Никакой войны, кроме классовой!

Мир хижинам – война дворцам!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Применительно к подлости... Российские либералы,
грабительский порядок и ограбленный народ.

Уходят в прошлое наивные времена, когда российские марксисты в силу своей малости и слабости не вызвали интереса как у хозяев жизни из числа банкиров, бандитов и ФСБшников, так и у их обслуги из буржуазной прессы. Загадочная гибель в конце июля 2002 г. 19-летнего марксиста из Кирова Александра Мыльникова, публикация в пропутинском пермском «Свободном выборе» доноса Ихлова, наконец, появившиеся одновременно в либеральных «Новой газете» и «Версии» статьи об анжеро–судженском рабочем лидере В. Воробьеве, осмелившемся – подумать страшно! - организовывать сопротивление грабительской реформе ЖКХ – все это свидетельства того, что мы вступаем в новый, куда более страшный, интересный и плодотворный период.

И если с хозяевами жизни все очень ясно (мы – их враги, а они – враги наши), то отношение к рабочему движению интеллигентских либералов заслуживает внимания по причинам, о которых мы скажем в конце статьи.

Дело в том, что ни «Версия», ни тем более «Новая газета» не являются ни партиями и политиками либерализма, как, скажем, СПС, зависимость которых от интересов буржуазии непосредственна и очевидна, ни органами прессы, изгибающимися соответственно генеральной линии. И та, и другая (но «Новая газета» – больше и последовательнее) являются критиками путинского державоукрепительства вообще и чеченодушительства в особенности. После «Норд–Оста» «Версия» за критику техники (не политики!) власти и ее спецслужб подверглась даже обыскам и давлению. И «Новая газета», и «Версия» публикуют множество хороших разоблачительных статей, весьма полезных для понимания подлинной – бандитско–чиновничьей - природы нашего капитализма. И если либерализм «Версии» не выходит за рамки либерализма неолитархического буржуа, возмущающегося вмешательством чиновников, ментов и бандюганов в нормальный ход его бизнеса, то либерализм «Новой газеты» пропитан старым гуманистически–интеллигентским духом и дошел даже до регулярной публикации статей чуть ли не единственного настоящего социал–демократа в России, Б. Кагарлицкого. То есть речь идет о *лучших* либералах в современной России и их выборе – кто им ближе – борющиеся пролетарии или то бандитско–чиновничье государство, которым они возмущаются, но к которому привязаны множеством классовых нитей.

Сюжет истории прост. Владимир Воробьев, рабочий активист из Анжеро–Судженска, лидер местной организации Сибирской конфедерации труда и член МРП (б), в 1998 г. организовывавший перекрытие железных дорог, вместе со своими товарищами попытался снова сделать это, чтобы, надавив на власть, помешать проведению «реформы ЖКХ», а проще говоря, росту платы за жилье, тепло, свет и воду. После этого его стали настойчиво приглашать в местную ФСБ, где грозили всякими карами, запретили разным организациям сдавать в аренду помещения для Сибирской конфедерации труда, а вскоре, в самом конце ноября, в «Новой газете» (N 87 (825)) и в «Версии» (N 46 (219)) появились статьи, названные соответственно «Сибирский пузырь глобального масштаба» и «Крикуны. Уголовник из Зауралья решил сместить Путина и осуществить государственный переворот». Уголовник вместо ФСБшника – какой ужас!

Признаемся, что мы не знаем, был ли Воробьев (с которым мы, к сожалению, *не имеем чести* быть лично знакомыми), отсидевший, как пишут обе газеты, 13 лет, в прошлом уголовником. Учитывая то, что «Версия» именует «бывшим уголовником» не бывшего им Максакова, как пишет она, «сложившего голову *предположительно* (!!!!!) в ходе какой-то криминальной разборки», а на самом деле убитого именно за то, что попытался разобраться в проделках

астраханских хозяев жизни, - учитывая эту очевидную ложь наших либералов в известном деле, мы не имеем оснований доверять им в для нас не известном. Были ли обвинения в грабеже и групповом изнасиловании, за что сидел когда-то Воробьев, сфабрикованы местным начальством, которому он чем-то не угодил (как случилось и случается сплошь и рядом как в СССРовском прошлом, так и в российском настоящем), или он действительно совершил это по молодости и дурачности – мы не знаем, да и не считаем самым важным.

Мы не идеалисты, видящие в каждом пролетарии ангелочка с крылышками. Капитализм давит, калечит, уродует пролетариев, обесчеловечивает их, толкает многих из них на уголовное дно – толкает не только худших, слабых и корыстных, но и лучших, гордых и непокорных, но не видящих путей общей борьбы за общие интересы. Тем больше уважения тем, пока очень немногим, кто, пусть пройдя сквозь уголовно-тюремный ад, этот общий путь увидел.

И кому, собственно, обвинять пролетариев в уголовщине, когда весь буржуазный строй основывается на грабеже – присвоении труда пролетариев капиталистами, а охраняющее эту систему грабежа буржуазное государство опирается на насилие и убийство? В этой грабительской системе все, кто наверху, не могут не быть участниками множества мелких и крупных преступлений – иначе они просто не были бы наверху. Когда пролетарии захватят власть, при допросе гражданина Путина они смогут узнать много интересного и про его работу в бытность помощником Собчака по внешнеэкономическим отношениям (чрезвычайно хлебная работенка!), и про взрывы в Москве в 1999 г., открывшие ему путь к власти, и пр формулу газа, каким были задушены люди в театре на Дубровке, и про много чего еще...

А в возмущении либералов “уголовником” Воробьевым, борющимся, как может, за рабочее дело, сквозит следующая мыслишка: уж если ты уголовник, то и будь уголовником – грабь, убивай, насилуй, занимайся бизнесом, на худой конец, баллотируйся в депутаты от ЛДПР или “Единой России”, но ни в коем случае не становись в ряды борющегося пролетариата! Это единственная вещь, которая никогда не прощается в нашем буржуазном мире!

“...нигде не работающий по идейным соображениям Воробьев (он предпочитает жить на зарплату жены и на пожертвования), возглавляет Конфедерацию труда Анджеро–Судженска. Членами этой организации стали местные бичи, радикально настроенные пенсионеры, ребята из ЛТП и официально диагностированные душевнобольные...”

Воробьев, граждане либералы, *занимается политической работой*, т.е. *по форме тем же самым*, что и мэры, губернаторы, депутаты, министры и президент. Разница в том, что вся эта правящая свора живет за счет *эксплуатации пролетариата*, налогов, в конечном счете падающих на него (ведь все богатство общества создают рабочие; капиталисты и их государство только присваивают его) или жирных взяток от буржуазии – которые тоже представляют всего лишь застывший в форме вилл и “мерседесов” пролетарский пот; Воробьеву же дают добровольно пожертвования (скудные, надо полагать. На роскошные у них средств нет) люди, которым он так или иначе нужен (не был бы нужен, не давали бы). Это такая же разница, что и между нищими христовыми апостолами – бродячими агитаторами, живущими на добровольные скудные пожертвования сторонников, и жирными попами, богато живущими за счет десятины (в средние века) или торговли табаком и водкой (в наши дни). И “нигде не работавший” “крикун” Иисус Христос, собравший вокруг себя таких же

“крикунов” и “бичей”, воскресни он сегодня, был бы куда понятней нам, чем толстопузым попам – фарисеям, или понтиям пилатам – губернаторам.

А что до социального состава Сибирской конфедерации труда, то неужели граждане либералы думают, что в нее вступят и начнут бороться против “реформы ЖКХ” братаны в золотых цепях и дамы в норковых шубах? У них несколько другие проблемы.

Да, избыточный процент в левых и псевдоловых политических организациях “официально диагностированных душевнобольных” представляет действительную проблему для этих организаций, однако интересный вопрос, каков процент душевнобольных во власти, находится без ответа лишь потому, что находящихся у власти невозможно “официально продиагностировать”. Не каждый день власть имущие кладут одного из своих в психбольницу на экспертизу, как командира танкового полка, убийцу и насильника Буданова... Что можно думать об адекватности мышления людей, которые ради того, чтобы помешать террористам убить заложников, предпочли убить этих заложников сами? И что можно сказать о душевном здоровье людей, которые, дабы “сохранить лицо” (обильно измазанное кровью) и “не потерять престиж” (добытый многочисленными убийствами), идут на новые убийства? Ох, недаром писал в своем дневнике (от 12 июня 1900 года) великий Лев Толстой:

“Я серьезно убежден, что миром управляют совсем сумасшедшие. Несумасшедшие или воздерживаются, или не могут участвовать”.

А что до “крикунов”, т. е. “бичей”, “пенсионеров” и “ребят из ЛТП”, а равным образом в ЛТП не бывавших, ограбленных до нитки буржуазией и смеющих при этом кричать и даже как-то сопротивляться, нарушая спокойный ход пищеварения в буржуйских желудках, то тут вы, граждане буржуа, ничего не поделаете: подлая у человека природа. Ему холодно – он кричит. Голодно – тоже кричит. Ограбили его и унизили – еще сильнее кричит. Сказать вам, чтоб вы не грабили и не унижали – так тоже бесполезно. У вас природа такая – не можете вы не унижать и не грабить. Придется уж нам, пролетариям, самим о себе заботиться - даже если при этом ваши буржуйские желудки и прочие части тела малость пострадают.

Да, но ведь “областные и городские власти думают, как сгладить для людей последствия реформы” (“Версия”).

А какая разница, что они думают?

Отрубить человеку, скажем, руку и ногу можно по-разному. Можно ржавым топором без анестезии, можно на хирургическом столе под наркозом. Суть одна – и в том, и в другом случае руки и ноги не будет.

Перед каждой “рыночной реформой” с самого начала 1990-х гг. проводившие ее власти заявляли, что реформы эти – никак не за счет народа, и пострадавшие от них получают полную компенсацию.

Что, много получили? Не для того эти реформы делаются, и цель их – сделать богатых богаче, – не была бы достигнута, если бы бедные не становились при этом еще беднее.

“Новая газета” пишет: “В самой теме пикетов – защита населения при реформировании ЖКХ – нет ничего предосудительного. Эта реформа затрагивает всех, и любой вправе по ней публично высказаться. В том числе с помощью массовых акций. Если, конечно, они не угрожают личной безопасности граждан и общественной стабильности в целом”.

Напали бандиты на человека, избили и ограбили до нитки, а проходящий мимо прохожий ему и советует: “Ты сколько угодно против бандитов говори,

авось на душе полегчает, только так, чтобы *стабильность*, при которой бандиты на дорогах – полные хозяева, не нарушить”.

Для интеллигента, у которого хорошо подвешенный язык – одно из главных орудий производства, свобода слова может представлять некую самоценность. Для пролетария физического труда, имеющего дело с твердыми реальными вещами, польза от свободы слова, собраний, митингов и т. п. – чисто прикладная: чтобы с помощью этих свобод лучшей жизни добиться. Ему важно не то, что он против грабежа может кричать, а то, чтобы этого грабежа вообще не было. Ведь государство у нас к рабочим глухое: ему кричи - не кричи – слышать все равно не хочет.

Вот проводили в августе этого года шахтеры пикет у Горбатого моста – так что, прислушались к ним власти? А черта с два! Хотели они встретиться с Путиным – нашел для них время Путин? Как бы не так! Должна была по-хорошему выйти к ним вице-премьер по социальным вопросам Матвиенко – вышла к ним Матвиенко? Держи карман шире!

А некий чиновник вообще сказал о сидящих на мосту, веря в начальническую доброту, шахтерах: “Любой россиянин имеет право проводить свой досуг где хочет и как хочет, пусть хоть головой о мостовую стучит”. Мэр Лужков, в свою очередь, ограничил срок пикета 16-м августа, а то день города скоро, неприятно будет гуляющим буржуйчикам на чумазах шахтеров смотреть, общественную стабильность это нарушит (писала о шахтерском пикете сама же “Новая газета”, в номере 60 (798)).

Вот и верьте, братья пролетарии, в начальническую ласку. “Ждали вы, мужики, от царя воли, ну и вышла вам царская воля”.

“Врагом у воробьевцев является “государство криминальной буржуазии” – то самое, в котором мы с вами проживаем и гражданами которого являемся”, - недовольничает “Версия”.

Издатели, редакторы и авторы либеральных газет, вы сами то, что печатаете, читаете? Ведь из публикуемых в ваших же газетах разоблачительных материалов как дважды два четыре понятно, что государство в России такое, где вор на воре сидит и вором погоняет, что основано оно на беспощадной эксплуатации и грабеже, что чиновник, мент, капиталист и бандит срослись в чудовищную многоголовую гидру. Правда, вы хотите разоблачать лишь отдельные нехорошие явления, но что ж поделать, если этих явлений так много, что вместе они образуют систему – буржуазную систему, которая живет и процветает именно за счет пролетариев, которые благодаря ей жить по-человечески не могут.

Как и подобает добрым патриотам (хотя бы и из либералов), ни “Версия”, ни “Новая газета” не могли удержаться от того, чтобы не дать понять, что “враг внутренний” – кричащие против “реформы ЖКХ” “крикуны” - действует по указке “врага внешнего”, на роль которого, за неимением более серьезных фигур, подошли пока западные “антиглобалисты”, посылавшие кузбасским властям телеграммы протеста. Получает русское буржуазное государство кредиты от МВФ – так и надо; платит по ним проценты – тоже ничего; подчиняется его условиям – что поделать; сговаривается Путин с Бушем: “Мы вам поможем Афганистан давить, а вы нам не мешайте давить Чечню”, – вообще блеск; но стоит рабочим активистам сделать первый робкий (и неправильный. Какие же “антиглобалисты” – мирные реакционные мечтатели о национально-регулируемом капитализме, - какие же они революционеры и какая может быть от них угроза буржуазии и ее государству?) шаг к интернациональным контактам, к пониманию, что борьба за освобождение пролетариата может

кончиться победой, лишь став всемирной борьбой, так добрые патриоты из либералов сразу такой вой против “указки из-за рубежа” поднимут, что хоть святых выноси.

Досталось от обеих газет и Шеину. Как и Андрию Бульбе, не помогли ему его ляхи. Захотел он (из каких внутренних побуждений – ему самому судить) стать правильным и буржуинским, вошел в одну депутатскую группу с Кобзоном, Алкснисом и Шаккумом, создал лейбористскую партию со старым агентом буржуазии в рабочем движении Храмовым, поддержал правительство при голосовании о референдуме – а буржуазии все мало. Все равно она его за своего не принимает, и все новых доказательств лояльности требует. Тяжка судьба ренегата.

Заканчивается статья “Версии” тем, что она присоединяется к просьбе Тулеева “принять самые решительные меры по пресечению”. “Потому как очень уж хочется стабильности в Российской Федерации и очень уж надоели не работающие по идейным соображениям крикуны”.

Будет вам, граждане либералы, стабильность, будет. И еще какая! С цензурой, ФСБизмом, травлением газом правых и виноватых, несостоявшихся террористов и заложников вместе – и с лесоповалами для “надоевших крикунов”, недовольных то ли войной в Чечне, то ли коррупцией во власти, то ли тем, что за квартиру платить нечем.

Только не говорите, что вы не этого хотели. Хотели вы именно этого.

* * *

Стоило ли обращать внимание на статьи в либеральных газетах?

Стоило. Уж больно ярко показывают они, какое дерьмо представляют собой даже лучшие из наших либералов.

Переход от преобладавшей в СССР государственной формы эксплуатации, при которой класс эксплуататоров в основном совпадал с государственным аппаратом, к частнокапиталистической форме, переход, сопровождавшийся разнообразными реорганизациями этого госаппарата, был весьма болезненным процессом для нижних чинов этого госаппарата, для государственной мелкой буржуазии. Брошенные с устойчивых и теплых местечек в холодные воды рыночной конкуренции, эти низы номенклатуры возмущались частнокапиталистическим хаосом и мечтали о возврате добрых старых времен государственного порядка. Поэтому “красно-коричневая” оппозиция 1990-х годов, по своему социальному положению бывшая движением деклассируемых низов номенклатуры, имела “государственно-патриотический” характер, независимо от субъективно-идеологических различий по вопросам вроде того, должно ли идеалом государства считаться государство Сталина, Столыпина или Гитлера.

Но времена меняются. Переходный период от преобладания государственной формы эксплуатации к преобладанию ее частной формы завершился, после ослабления государства наступила его консолидация, при этом государство является уже обыкновенным государством монополистического капитала, разница которого с американским или французским – чисто количественная, а не качественная.

Между тем за 11 лет немалая – причем наиболее молодая и энергичная – часть низов номенклатуры приспособилась к жизни в рыночном хаосе, став из государственной мелкой буржуазии частной мелкой буржуазией. А поскольку

возрождаемое укрепляемое государство служит в первую очередь крупному капиталу и давит и оттесняет мелкую буржуазию, когда та подворачивается под ноги (яркий пример – проводимая властями и в Москве, и во многих городах провинции замена рынков супермаркетами), то в “красно–белой” оппозиции, причем как в сталинистско–националистической, так и в просто националистической ее частях начались интересные процессы сдвига от *правобуржуазных* на *левобуржуазные* позиции (это не относится ко всем “красно–белым” организациям, но к некоторым из них, наиболее гибким и чутким к переменам обстановки – бесспорно).

Наиболее яркую форму приняли такие процессы пока что у НБП, которая, сохраняя русско–империалистические требования, стала все чаще обращаться к требованиям буржуазно–демократическим, *по видимости* антигосударственным.

Отсюда естественным образом стали появляться идеи о союзе оппозиционных “коммунистов” и просто фашистов с оппозиционными либералами. И вот Проханов ведет переговоры о таком союзе с Березовским, а “Лимонка” высказывается за блок сторонников “европейской свободы” и “русской дикой воли”.

Все это не касалось бы прямым образом нас, если бы мысли о союзе с буржуазной и мелкобуржуазной демократией (в лице хотя бы той же “Новой газеты”, Явлинского и т. п.) не высказывались иногда и в революционно–пролетарской марксистской среде. Тем, кто мечтает о таком союзе, следует знать, что думают о нас (в широком смысле) будто бы возможные союзники и что они представляют собой на самом деле. Что представляют собою те люди, которые глядят на мир глазами телеканала ТВС, вершиной оппозиционности которых является ирония Виктора Шендеровича в передаче “Бесплатный сыр” и чьи политические позиции находят свое выражение на страницах «Версии» и «Новой газеты».

Как в прошлом, так и в настоящем буржуазные либералы не любили пролетариат куда больше, чем они же не любили деспотизм в его старых и новых формах. И делали они очень правильно – со своей классовой колокольни, разумеется. Ведь при любом деспотизме машина капиталистической эксплуатации продолжает функционировать, пусть даже, лишенная смазки буржуазных свобод, делает это со скрипом, скрежетом и огромными издержками. Пролетариат же, захватив власть, разобьет эту машину и развеет по ветру.

Поэтому любой, даже самый либеральный буржуа, если придется выбирать между стабильностью и свободой, выберет стабильность. Ведь для выжимания из пролетариата буржуйских прибылей свобода – добавочная роскошь, а стабильность – первая необходимость.

Независимость пролетариата от *всех* групп и фракций буржуазии – категорическое условие, без которого невозможно освобождение пролетариата. В своей борьбе пролетариату не на кого рассчитывать, кроме как на самого себя. Но рассчитывая только на себя, он сможет завоевать весь мир.

Когда верстался номер...

Когда №5 "ПР" уже набирался и размножался, мы получили по одной из интернетовских рассылок следующее сообщение:

"Служба Безопасности Украины шьет терроризм рабочим активистам и под этим предлогом изымает оргтехнику...

Следователь Николаевского областного управления Службы безопасности Украины полковник Жеребцов ведет уголовное дело № 202, п.4 ст.258 УК Украины (организация террористической группы, срок от восьми до пятнадцати лет).

15.12.02 судья Центрального районного суда города Николаева Алейников В.А., проявив недюжинную склонность работать по воскресеньям, постановил осуществить обыск на квартире в г.Киеве, в которой прописан Ю.В.Докукин.

В 19-00 того же дня в квартиру к Ю.Докукину явились шесть сотрудников Киевского городского управления СБУ, предъявив ему заверенную печатью УСБУ г.Киева факсовую копию постановления николаевского судьи. Позднее к шестерке службистов присоединился еще один их коллега. Возглавляли группу следователи старший лейтенант юстиции Костыра Сергей Николаевич (номер удостоверения КУ 000106) и старший лейтенант юстиции Дурыгин Денис Олегович (№ КУ 000102). В обыске участвовали оперативные работники майор Степура Тарас Иванович (помощник начальника направления, № КУ 000301), капитан Романенко Евгений Владимирович (старший оперуполномоченный по особо важным делам, № КУ 000503), старший лейтенант Радкевич Игорь Владимирович (старший уполномоченный, № КУ 608291), старший лейтенант Лысюк Андрей Александрович (оперуполномоченный, № КУ 000112). Позднее для осуществления по заявлению Докукина Ю.В. фотосъемки прибыл следователь старший лейтенант юстиции Закладный Роман Анатольевич (№ КУ 000104). Последний не был включен в протокол как участвующий в обыске.

Обыск проходил приблизительно до 4-30 утра 16.12.02 при двух понятых. В процессе обыска были изъяты компьютерная техника (вплоть до шнуров и мышек), около сотни дискет, различные газеты (предпочтение отдавалось бюллетеню КСРД "Рабочее действие", бюллетеню УКРС "Катализатор", газете "РМП-ньюз" - изъяты все наличные в доме экземпляры и отдельные страницы этих изданий), блокнот, две записные книжки, экземпляры листовок различного содержания, несколько писем и пустых конвертов, рукописные записи литературного и публицистического характера. В процессе обыска Докукин Ю.В. подал заявление о том, что во избежание недоразумений требует фотосъемки изъятых вещей и документов. Фотосъемка была предоставлена, однако требование Докукина фотографировать каждую страницу отдельно и с обеих сторон было отклонено, протест остался без внимания под предлогом "отсутствия пленки". Предметы фотографировались группами, накладываясь друг на друга, блокноты и конверты практически не раскрывались. В протоколе содержание записей и наличие на предметах и документах каких-либо пометок и надписей практически не отражено. Докукин Ю.В. записал в протокол, что снимает с себя всякую ответственность за появление на изъятых предметах и документах каких либо записей или пометок, отсутствовавших до изъятия их сотрудниками СБУ. Сходный вопрос о содержании носителей электронной информации - винчестерах компьютеров и дискетах - вообще вызвал резкую реакцию службистов. Они заверяли Ю.Докукина, что обеспечат полную сохранность носителей. Однако на резонное замечание о том, что носители содержат еще и информацию, и необходимо предоставить собственнику

изымаемого гарантию от возможного изменения, исчезновения или порчи информации, для чего предлагалось на месте в процессе обыска составить детальный перечень и опись содержимого обоих винчестеров и всех дискет, сотрудники СБУ объявили, что это не предусмотрено законодательством, а просьба Докукина граничит с созданием препятствий следственным действиям.

Ниже представлены адреса и телефоны правоохранительных органов и учреждений, которые имеют отношение к случившемуся.

Управление Службы безопасности Украины в Николаевской обл.
54001, Николаев, ул. Спасская, 40
Приемная: (0512) 39-66-55

Прокуратура области: 54030, ул. Спасская, 28
Приемная: (0512) 35-20-45

Николаевский Областной суд: 54001, ул. Садовая, 2-а/
Приемная: (0512) 35-91-36

Прокуратура г.Киева: 03150, ул. Предславинская, 45/9
Приемная: (044) 264-82-58."

Мы давно и хорошо знаем Ю. Докукина. Несмотря на свою склонность к эпатажу, этот хотя и более-менее левый, но вполне мирный оппортунист и легальный профсоюзный активист заведомо не может иметь никакого отношения к каким бы то ни было реальным террористическим организациям. И если его привлекают по делу об "организации террористической группы", то это заведомо означает преследование невинного. Вот и еще один пример того, о чем мы писали выше - того, что мыльный пузырь "угрозы международного терроризма" мировая буржуазия использует как повод для подавления рабочего движения, причем не только действительно революционных групп в нем, но даже и оппортунистических организаций. Причем буржуйские спецслужбы используют этот повод внаглую, совершенно не заботясь о достоверности обвинений, предъявляемых ими рабочим и левым активистам. Что ж, тем очевиднее будет для пролетариев вся гнилость буржуазного "правосудия". Тем очевиднее будет то, что это "правосудие" - вместе с самой буржуазией - заслуживает только уничтожения.

Г. Васильев

Что такое "управление" и "отношения собственности"?

(Продолжение. Начало в №4.)

Итак, только появление компьютеров и компьютерных систем создает технические предпосылки социализма и кладет начало перехода человечества к нему. До Научно-технической революции (НТР), начавшейся во второй половине XX века, никакое пролетарское восстание - даже если бы оно победило во всем мире - не смогло бы расчистить человечеству дорогу к бесклассовому обществу. А это, в свою очередь, означает, что даже если до начала НТР пролетариату и случилось на какое-то время захватывать политическую власть в тех или иных регионах, то в этом еще не было ничего социалистического.

Тут мне сразу же готов возразить товарищ Инсаров (см. "ПР" №4, "Ответ товарищу Васильеву"):

"Хочет ли Г. Васильев сказать, что в таких мерах, как разрыв межклассового мира и национального единства; отвержение патриотизма; захват власти пролетариатом, организовавшимся в Советы и возглавляемым революционной партией; разрушение буржуазного государства; создание Коммунистического интернационала; помощь зарубежным пролетарским революциям, если надо, то и прямой вооруженной силой; пролетарская диктатура и Красный Террор; разгон Учредительного собрания и подавление реформистских партий – что в этих мерах не было ничего социалистического, и что в грядущей социалистической революции пролетариат предпримет какие-то другие меры?"

Буржуазные революции потому являются буржуазными, что в силу неизбежных объективных условий приводят к победе буржуазного строя, а не потому, что совершаются буржуазией. Напротив, каждая радикальная, великая, доведенная до конца буржуазная революция делается плебейскими, крестьянскими, пролетарскими массами против верхов буржуазии. Именно поэтому, по словам марксистского историка Французской революции Д. Гэрэна, настоящая буржуазная революция содержит в себе зародыши революции социалистической. Это относится даже к Французской революции, и уж тем больше к революции Октябрьской".

Для того, чтобы выяснить, кто из нас прав - Инсаров или я, необходимо сначала четко различить те два разных значения, в которых последователи исторического материализма употребляют слово "революция". В первом из них "революция" означает *переход от одной общественно-экономической формации к другой* (в случае с социалистической революцией - переход от классового общества к бесклассовому); во втором - *переход политической власти из рук одного класса в руки другого, изначально подчиненного первому*. Чтобы легче было различать, какое именно значение придается в том или ином случае этому слову, зачастую делают так: когда речь идет о первом значении, говорят "социальная революция", а когда о втором - "политическая революция".

Поскольку в разных формациях основные эксплуататорские и эксплуатируемые классы *всегда* разные, то это значит, что в процессе перехода от одной формации к другой *обязательно* происходят переходы политической власти от прежних господствующих классов к новым, которые изначально, когда они еще только формировались, были политически подчинены первым. Это означает, что *социальная революция обязательно включает в себя политические революции*. Следует особо подчеркнуть, что политические революции,

происходящие во время революции социальной, являются лишь *одной из ее сторон* и вовсе не исчерпывают всего ее содержания (которое заключается в переходе на новый, более высокий уровень развития производительных сил и производственных отношений - а значит, и к новой классовой структуре общества; при этом в ряду социальных революций особняком стоит *социалистическая революция*, представляющая собой переход не к очередной формации классового общества, но к обществу без классов).

Следует также отметить, что политическими революциями обычно - *и зря* - называют лишь *отдельные кратковременные этапы* длительного, идущего с остановками и даже с временными возвратами назад (контрреволюции, когда власть временно возвращается к тем эксплуататорским классам, которые обладали ею прежде) процесса перехода политической власти от одних классов, экономически и политически господствовавших в прежней формации, к другим. Так, например, говорят о Великой Французской революции 1789-94 гг.; на самом же деле социальная революция во Франции - то есть переход от феодализма к капитализму в этой стране и формирование французской нации - происходила в течение нескольких столетий, примерно с XV по первую треть XIX вв. включительно, и *в течение того же времени* происходил переход политической власти от феодалов к буржуазии. Абсолютная монархия во Франции - *так же, как и во всех других европейских странах, где она существовала* - была той формой государственного устройства, при которой госаппарат принадлежал *одновременно* и феодалам, и буржуазии; и чем больше набирала силу буржуазия, чем больше обуржуазивались феодалы, тем в большей мере французская монархия становилась буржуазным государством и тем в меньшей мере оставалась она государством феодальным. Так называемая "Великая Французская буржуазная революция" на самом деле лишь *открыла собой заключительный этап буржуазной политической революции, длившейся около четырехсот лет и закончившейся с воцарением Луи-Филиппа*. Строго говоря, в 1789-1830 гг. друг с другом боролись за политическую власть даже не феодалы и буржуа, а *две фракции французской буржуазии: те полубуржуа, которые еще не перестали драсть с крестьян барщину и оброк (хотя в то же время уже вовсю занимались бизнесом, накапливали прибавочную стоимость, торговую и банковскую прибыль) и тем самым еще в какой-то степени оставались феодалами, и те стопроцентные буржуа, которые уже не были феодалами ни в какой степени*. Иначе говоря, *еще до 1789 года политическая власть во Франции уже была больше в руках класса буржуазии, чем в руках класса феодалов*. А это значит, что называть "революцией" только период 1789-1794 гг. означает впадать в такую же ошибку, как если бы мы, к примеру, называли "рождением ребенка" *только* момент перерезания пуповины уже родившегося на свет младенца. На самом же деле великая буржуазная политическая революция во Франции (часть великой капиталистической социальной революции в этой стране) началась еще в те времена, когда французские короли, боровшиеся с другими тамошними феодалами, начали постоянно опираться в этой борьбе на буржуазию - и, "собирая французские земли" с ее помощью, начинали устанавливать единые юридические и политические условия ведения бизнеса и эксплуатации наемной рабочей силы на французском рынке. Постепенно устанавливая эти условия - то есть чем дальше, тем в большей степени ликвидируя феодальный произвол по отношению к буржуа, - французские короли *начинали осуществлять свою политическую власть не только как власть класса феодалов, но и* (во все большей и большей мере) *как*

политическую власть класса буржуазии. Первым великим буржуазным революционером во Франции был не Робеспьер, не Мирабо, а Людовик XI. Заключительный же акт великой - и очень долгой - французской политической буржуазной революции хотя и пожрал наследников Людовика XI и ликвидировал институт абсолютной монархии, однако сохранил и укрепил созданную под руководством ряда поколений абсолютных монархов *буржуазную государственную машину* (см. об этом в марксовом "Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта" - К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2-е изд., т. 8, стр. 205-206).

Сказанное выше отнюдь не означает, что в *каждой* социальной революции та политическая революция, которая включена в нее, продолжается ровно столько же - и ничуть не меньше, - чем эта самая социальная революция. Это вовсе не обязательно; однако даже если политическая революция гораздо короче, чем та социальная революция, которой она присуща, - все равно она представляет собой достаточно длительный процесс, который не сводится к какому-то отдельному моменту обострения политической классовой борьбы: восстанию, перевороту и пр. Другое дело - те политические революции, которые не включены ни в какую социальную революцию. Вот они-то как раз могут полностью заключаться в рамках какого-нибудь отдельного восстания или переворота.

Хотя всякая социальная революция обязательно включает в себя революцию политическую, однако *не всякая политическая революция включена в революцию социальную.* Так, Парижскую коммуну 1871 г. можно назвать политической революцией: на короткое время политическая власть в Париже перешла от одного класса к другому, от буржуазии к пролетариату, - однако никакой социальной революции при этом не происходило, капитализм во Франции как был до Коммуны, так и остался после нее...

А теперь разберемся с тем, как *называть* политические и социальные революции. Понятно, что политические революции *в любом случае* имеет смысл называть по имени того класса, который в ходе этих революций берет в свои руки политическую власть. Захватывает власть буржуазия - значит, эта политическая революция буржуазная; пролетариат - значит, пролетарская; мелкая буржуазия - значит, мелкобуржуазная... А если вдруг мы встречаемся с таким словосочетанием, как "социалистическая революция", то в каком случае оно имеет смысл? - *А только в том случае, когда содержащееся в названии революции указание на тот или иной этап общественного развития соответствует тому самому результату, к которому данная революция с необходимостью, закономерно ведет общество.* Таким образом, социалистическая революция - это та социальная революция (или присущая ей политическая революция, рассматриваемая отдельно), которая ведет общество к социализму. *Если же пролетарская политическая революция происходит до возникновения производительных сил, необходимых для начала перехода общества к социализму, то она не может быть социалистической ни на малейшую долю процента.*

Все те меры Октябрьской революции, которые перечисляет тов. Инсаров, есть *методы последовательной борьбы пролетариата за свою политическую власть.* Эти методы, в тех или иных формах и с той или иной степенью последовательности, могут применяться пролетариатом *всюду и всегда, где пролетариат существует и борется за свою политическую власть,* - однако до тех пор, пока не были созданы компьютеры и компьютерные системы, все эти меры, как бы полно и последовательно они ни осуществлялись, не могли

*расчистить дорогу к бесклассовому обществу, а значит, в них не было ничего социалистического. Социалистическими они становятся только с началом НТР, поскольку только возникновение компьютеров и компьютерных систем делает меры, применяемые пролетариатом в борьбе за свою политическую власть, расчищающими человечеству дорогу к общественной собственности на производительные силы. Короче говоря, только НТР наполняет эти меры социалистическим содержанием: без компьютеров, без НТР в этих мерах не было ничего социалистического. Конечно, революция 1917-21 гг. была очень последовательной борьбой пролетариата за свою власть, *очень пролетарской*; но в ней не было ни капельки социалистического, поскольку производительные силы, необходимые для начала перехода к социализму, - компьютеры и компьютерные системы, позволяющие огромным массам трудящихся быстро обсуждать сложные проблемы и принимать по ним совместные управленческие решения без всяких начальников, - на тот момент отсутствовали во всем мире. И если бы технические средства, дающие миллиардам людей возможность превратиться в единый коллектив, так никогда и не были изобретены, то все последующие пролетарские революции были бы обречены на один и тот же результат, на *дурную бесконечность* хождения по одному и тому же замкнутому кругу: свергли старых господ - а вожди революции стали новыми господами; свергли и этих господ - и тут же опять их место занимают новые...*

Давайте разберемся с уже цитированным выше утверждением М. Инсарова:

"...каждая радикальная, великая, доведенная до конца буржуазная революция делается плебейскими, крестьянскими, пролетарскими массами против верхов буржуазии. Именно поэтому, по словам марксистского историка Французской революции Д. Гэрэна, настоящая буржуазная революция содержит в себе зародыши революции социалистической. Это относится даже к Французской революции, и уж тем больше к революции Октябрьской".

Во-первых, давайте все-таки будем точны в терминах. Та политическая революция, которая делается пролетариями и мелкими буржуа - это пролетарская и мелкобуржуазная, а не буржуазная революция. Конечно, процесс капиталистической социальной революции и включенной в нее буржуазной политической революции может включать в себя, в качестве отдельных этапов, мелкобуржуазную и пролетарскую политическую революцию: примером тому является хотя бы мелкобуржуазная революция во Франции 1793-94 гг. Правда и то, что мелкие буржуа и пролетарии, совершая *свою* политическую революцию, могут более последовательно доводить до конца экономическое дело капиталистической социальной революции, чем это сделали бы сами капиталисты, будь у них в тот момент политическая власть. Но давайте все же не будем щеголять *по видимости* диалектической фразой, которая выглядит таковой за счет неточного определения понятий; прежде чем вскрывать диалектическую связь между переходящими друг в друга противоположностями, давайте сперва хорошенько различим их - и четко и ясно определим: капиталистическая социальная революция - это одно, буржуазная политическая революция - это другое, а мелкобуржуазная политическая революция - это нечто третье. И уже потом будем выяснять, как эти три процесса включены друг в друга и развиваются посредством друг друга. И сделаем свой вывод примерно следующим образом:

"Капиталистическая социальная революция осуществляется наиболее радикально, наиболее полно доводится до конца в том случае, когда она на

некоторых своих этапах осуществляется посредством мелкобуржуазных и пролетарских политических революций, направленных против верхов буржуазии".

Тут, конечно, нет той красивой диалектической игры слов ("радикальная буржуазная революция делается плебейскими массами против верхов буржуазии"), которую так любил Гегель и которой, очевидно по гегельянской привычке, иногда занимается тов. Инсаров. Зато здесь отражена *действительная*, свободная от примеси туманного спекулятивного фантазирования диалектика исторического процесса: эта диалектика заключается в том, что на том уровне развития производительных сил, который с неизбежностью порождает капитализм и еще не достаточен для перехода к социализму, борьба мелких буржуа и пролетариев за свою политическую власть с той же неизбежностью расчищает путь для максимально последовательного утверждения... капиталистических отношений - и это происходит совершенно независимо от того, чего хотят, к чему стремятся борющиеся пролетарии и мелкие буржуа.

Склонность к *спекулятивной* (т. е. фантастической, высосанной из пальца и приписанной реальным процессам) гегельянской диалектике очень ярко проявляется у тов. Инсарова, когда он, вслед за Гэрэном, утверждает, что настоящая буржуазная революция содержит в себе *зародыши* революции социалистической. Как мы помним, он имеет в виду те меры, которые осуществляет пролетариат, борясь за свою политическую власть, и которые действительно были частично осуществлены в ходе мелкобуржуазной политической революции 1793-94 гг. во Франции. Поскольку эти же меры более последовательно осуществлялись в позднейших пролетарских революциях - и еще более последовательно будут осуществлены в процессе грядущей социалистической революции, то можно говорить об *элементах* социалистической революции в настоящей *капиталистической* (не буржуазной!) революции. Но *не всякий элемент является зародышем*. Зародыш социалистической революции - это то, благодаря чему начинается переход человечества к социализму и что обуславливает направление и ход этого перехода, причем обуславливает существенно и многосторонне (точно так же, как зародыш человека существенно и многосторонне обуславливает дальнейшее биологическое развитие организма этого самого человека), то есть *определяет*... А разве можно сказать о политической борьбе парижских мелких буржуа и руководимых ими пролетариев, что она в 1793-94 гг. определила переход человечества к социализму? Инсаров здесь уподобился тому человеку, который назвал бы зародышем будущего ребенка... систему акушерских приемов, которые были применены при рождении одного ребенка и будут применены при рождении другого. Чтобы дать жизнь последнему, они необходимы; но это вовсе не значит, что они и есть его зародыш... Товарищ Инсаров поступил чисто гегельянски: он сконструировал *фантастическую* генетическую связь между мелкобуржуазной диктатурой в Париже 1793-94 гг. и грядущей пролетарской (и в то же время социалистической) политической революцией - и развертывает фантастическую диалектику этой фантастической связи...

В действительности же зародышем и социализма, и социалистической революции являются *новые производительные силы, рожденные НТР* - и прежде всего компьютеры, компьютерные системы и компьютерные технологии. С их появлением переход человечества к социализму *уже начался* - а значит, уже идет *социальная* всемирная социалистическая революция. Политическая революция

пролетариата (которая пока еще не началась - но к ее началу с необходимостью ведет внутренняя логика уже начавшейся социальной революции) будет социалистической именно благодаря наличию компьютеров, а вовсе не потому, что пролетарские революционеры освоят и разовьют опыт своих предшественников (хотя последнее, разумеется, необходимо для победы мировой пролетарской революции). Так что единственная реальная генетическая связь между мелкобуржуазной политической революцией 1793-94 гг. во Франции и начавшейся во второй половине XX века всемирной социалистической революцией заключается в следующем:

вышеупомянутая мелкобуржуазная революция помогла развитию капитализма во Франции;

развитие капитализма во Франции толкало вперед развитие капитализма во всем мире;

мировой капитализм толкал вперед развитие производительных сил человечества, в результате чего во второй половине XX в. появились такие технические средства - компьютеры и компьютерные системы, - с помощью которых человечество уже сейчас может начать превращаться в единый коллектив, а со временем стать таким коллективом в полной мере, окончательно ликвидировав деление людей на руководителей и подчиненных;

благодаря появлению таких технических средств та пролетарская политическая революция, которая прокатится по миру в XXI веке (это произойдет в результате третьего большого империалистического передела мира, предстоящего человечеству - то есть в результате новых больших войн, в которые мир скоро будет втянут мировой буржуазией), завершится не появлением новых господ вместо свергнутых старых, а переходом к бесклассовому обществу.

Именно на том, что до появления компьютеров ничего социалистического в пролетарских революциях никак не могло быть, необходимо делать ударение в нашей пропаганде. Спросите, почему так? - Чтобы ответить на этот вопрос, давайте сначала посмотрим, почему тов. Инсаров настаивает на социалистическом характере тех мер, которые были осуществлены в ходе Великой Октябрьской революции и (менее последовательно) некоторых предшествовавших ей революций. Снова обратимся к его "Ответу товарищу Васильеву":

"Одним из симптомов царящей сейчас буржуазной реакции является отшатывание даже людей, пытающихся быть революционерами (анархисты, «коммунисты рабочих советов» и т.п.) от уроков Октябрьской революции, показавшей, что для победы пролетариату необходима революционная партия и что освобождение пролетариата невозможно без разрыва со всем буржуазным миром, без насильственной революции, без слома буржуазного государства и установления централизованной диктатуры пролетариата.

Причины отшатывания от уроков централизации и организации, данных Октябрьской революцией, заключаются в заиклениости отрицающих централизацию и пролетарскую диктатуру товарищей на поражении Октября.

Но удивительно не то, что Октябрьская революция потерпела в конце концов поражение, но то, что она сперва одержала победу. Она не может дать нам ответ на вопросы, как предотвратить буржуазное перерождение пролетарского полугосударства и победу новой, вырастающей из самой

революции реакции. Но она была и, к сожалению, остается единственной пролетарской революцией, одержавшей победу над старой, традиционной реакцией. Только на ее примере пролетариат может учиться тому, как нужно создавать революционную организацию, свергать буржуазное государство, устанавливая пролетарскую диктатуру и побеждать прущие со всех сторон враждебным походом силы старого мира.

Октябрьская революция потерпела поражение в силу неизбежных объективных причин, исчезнувших к настоящему времени, а не в силу использованных ею средств и методов. Напротив, только открыв заново и используя эти средства и методы, всемирный пролетариат может одержать победу и добиться освобождения.

Октябрьская революция – вершинная точка в освободительном движении мирового пролетариата, его слава и гордость. Все уроки из нее должны быть извлечены, вся ее героическая эпопея должна быть усвоена. На ней нужно воспитываться каждому сознательному пролетарию, – *пока не встанет по всей Земле угнетенный класс и не грянет новая, еще более великая, всемирная социалистическая революция."*

Именно для того, чтобы убедить анархистов и "коммунистов рабочих советов" ("рэтокоммунистов", как их обычно называют скалькированным из немецкого языка термином) в необходимости революционной партии и централизованной диктатуры пролетариата для обеспечения перехода человечества к социализму (то есть, иначе говоря, в том, что для победы над своими врагами пролетариату придется на время организовать более-менее авторитарно - и без этого ему никак не обойтись), и пытается Инсаров доказать - не столько мне, сколько им, - что меры, осуществленные в ходе Октябрьской революции, носили социалистический характер. Как видим, он старается обосновать совершенно правильный практический вывод с помощью ошибочных теоретических рассуждений. Главная *психологическая* предпосылка рассмотренных выше теоретических ошибок тов. Инсарова заключается в том, что он, к сожалению, *заиклился на полемике с анархистами и "коммунистами рабочих советов"*.

Конечно, этих людей нужно переубеждать, нужно вести среди них коллективистскую пропаганду: очень многие из них могут стать последовательными пролетарскими революционерами, и, разумеется, надо помочь им в этом. Однако *не следует строить всю нашу пропаганду в соответствии с их психологией и мировоззрением*: раз мы стремимся создать децентрализованный партию, организующую пролетарские *массы* для борьбы за их политическую власть, следовательно, наша пропаганда должна быть обращена главным образом к пролетарской молодежи, *еще не вовлеченной в политику или вовлеченной в буржуазные политические организации*. А эту молодежь, как правило, не нужно убеждать в том, что в *боевой* организации авторитарные отношения должны несколько преобладать над коллективными (как это и есть в организации, построенной по принципу демократического централизма): в отличие от "продвинутых" анархистов и рэтокоммунистов, простые рабочие прекрасно понимают, что для того, чтобы победить в бою, нужны командиры, приказы которых исполняются беспрекословно (иначе противник опередит и разобьет нас) и которые могут быть переизбраны своими подчиненными не совсем уж в любое время (иначе противник опять-таки будет раз за разом опережать и разбивать нас). Зато чего современные рабочие обычно не понимают - так это того, почему все успешные восстания их братьев по

классу до сих пор приводили только к тому, что на место свергнутых старых господ тут же приходили новые. В подавляющем своем большинстве современные пролетарии - так же, как и современные обыватели вообще - думают, что иначе и быть не может и что деление на начальников и подчиненных заложено в природе человека. Нужно объяснять им, что это не так - и что все дело только в том, что до сих пор в руках у революционных пролетариев не оказывались компьютерные системы. Нужно растолковывать рядовым наемным работникам, что, поскольку компьютеры сегодня широко распространены даже в не самых богатых странах, а компьютерная грамота за последнее десятилетие сильно упростилась и продолжает упрощаться, *после свержения власти буржуев и развала их государственного аппарата бывшие пролетарии смогут быстро наладить плотный контроль над руководителями и переизбрание их в любое время в сфере управления производством и распределением - и затем постепенно, по мере уничтожения своих классовых врагов и развития информационных технологий, переходить к принятию любых управленческих решений во всех сферах жизни общества вообще без всяких руководителей.* Короче говоря, нужно всячески подчеркивать, что только с появлением компьютеров эксплуатируемым трудящимся открылся свет в конце тоннеля, что только борьба *современных* пролетариев открывает эру освобождения трудящихся; нужно настойчиво разъяснять - то, что до начала НТР пролетарские восстания не приводили к уничтожению эксплуатации человека человеком, *не имеет ровно никакого значения для пролетариев эпохи НТР.* Нужно изо всех сил настаивать на том, что *до НТР пролетарские революции никак не могли быть социалистическими ни в каком смысле и ни в какой мере - а вот пролетариям эпохи НТР, избранным судьбой, суждено совершить скачок из царства необходимости в царство свободы. Только так можно сделать современного пролетария уверенным в себе революционером.*

При этом мы, разумеется, должны ясно осознавать, что еще долго - скорее всего, до ближайшей большой империалистической войны - отклик на нашу пропаганду со стороны пролетариев (и, в частности, пролетарской молодежи) будет очень слабым. До поры до времени всякие оппортунисты и фашисты будут иметь в пролетарской среде больше успеха, чем мы: *при монополистическом капитализме пролетарские массы настолько атомизированы* (иначе говоря, в системе отношений между пролетариями современного большого города до такой степени преобладают отношения индивидуальной собственности и индивидуального управления), *что восприимчивыми к мысли о совместной интернациональной борьбе за свою диктатуру они смогут стать лишь тогда, когда этот капитализм доведет их до крайней степени отчаяния, когда они почувствуют, что терять им больше нечего.* А до тех пор, пока это не произойдет, нам суждено оставаться небольшой сектой. Быть сектой - это само по себе вовсе не порок; существование в форме секты есть единственно возможная форма существования пролетарских революционеров в период упадка и буржуазного перерождения рабочего движения. *Пороком* наше сектантское бытие станет в том случае, *если мы саму нашу пропаганду сделаем сектантской - элитарной, обращенной главным образом не к массам, а к кучке профессиональных революционеров из других сект.* Парадокс нашего бытия состоит в том, что если мы хотим быть последовательными пролетарскими революционерами, то *должны постоянно обращаться к массам, предлагая им революционную программу действий - и даже если эта программа не пользуется никакой популярностью, даже если массы нас не слушают и не*

хотят слушать, все равно мы должны упрямо обращаться с той же самой программой именно к ним, и лишь во вторую очередь к маленьким "продвинутым" левым группам (хотя именно последние слушают нас сегодня с большим интересом, чем массы). Бесспорно, в таком способе политической жизни есть нечто шизоидное - но только ведя такой шизоидный способ жизни, можно остаться пролетарскими революционерами в эпоху упадка и, не переродившись, дожидаться-таки того момента, когда революционная программа действий найдет отклик у широких пролетарских масс. Диалектика современного капитализма вообще крайне шизоидна и абсурдна - но эффективно способствовать тому, чтобы капитализм взорвался под давлением своих внутренних противоречий, могут лишь те, кто хорошо освоил эту абсурдную диалектику.

Однако хотя мы и вынуждены вести несколько шизоидную политическую жизнь, чтобы не впасть в "реалистический" оппортунистический маразм, но мы вовсе не должны опиздеть настолько, чтобы обращаться к широким массам пролетариев с пропагандой, рассчитанной на анархистов и рэтокоммунистов. Лучше уж обращаться к последним с пропагандой, рассчитанной на обычных пролетариев. Если же тот или иной анархист или рэтокоммунист воспримет наши доказательства несоциалистического характера *всех мер* Октябрьской революции как подтверждение своих ошибочных мнений о ненужности децентрализованный партии и элементов авторитаризма в диктатуре пролетариата, *то это не наши, а его проблемы*. Именно от него, а не от нас отмахнутся пролетарии, когда они наконец-то начнут свою политическую революцию; именно нашу, а не его программу действий они примут. Он же потом и будет себе локти кусать из-за того, что вовремя не примкнул к нам... А мы что же? - Нам, разумеется, тоже будет жалко, что он вовремя к нам не примкнул; но лучше уж потерять нескольких "продвинутых" леваков, чем снизить качество и эффективность, *а самое главное, уменьшить истинность* пропаганды, адресованной пролетарским массам.

* * *

Изложенная выше критика относится не только к М. Инсарову, но и к А. Правдину, который в своей статье "К вопросу о терминах" (см. №4 "ПР") неоднократно повторяет, что "Октябрь 1917 г. был социалистическим".

(Окончание в следующем номере.)

*Смотрите в Интернете огромную многоязычную библиотеку
левой литературы - сайт*

"Left Wing Communism - an infantile disorder?"

("Левый коммунизм - детская болезнь?")

по адресу

<http://www.left-dis.nl>

Вы увидите здесь не только литературу коллективистов, итальянских и германо-голландских левых коммунистов, анархо-коммунистов почти на всех европейских языках, но и ссылки на целую кучу левых, полулевых и четвертьлевых сайтов (среди которых по неведению вебмастера затесался даже сайт одной псевдоанархистской фашистской российской группы - называть ее не будем, чтобы не рекламировать). Этот сайт - замечательный проводник по миру итальянской традиции Коммунистической Лево́й, принадлежащие к которой группы широко представлены в разделе "Links".

Заходите на сайт left-dis. Стоит того.

* * *

Пишите нам по электронной почте по адресу:

prol_rev_col@yahoo.com

Вы можете найти наши материалы в Интернете по адресам:

<http://www.left-dis.nl>, раздел "Русский", подраздел "Дискуссии", №№ 5, 10-16, 21, 23, а также подраздел "История" - одно из предисловий к книге Гарольда Исаакса "Трагедия китайской революции"; на том же сайте см. разделы "English" и "Français" - те тексты, в заглавиях которых стоит "Коллективисты", наши; также см. <http://www.chat.ru/~collectivist> (по-русски), http://www.geocities.com/prol_rev_col/collectivism.html (по-английски: наша дискуссия с ИБРП о компьютеризации как предпосылке социалистической революции).

Тираж маленький: сколько получится размножить, столько и будет.

Anticopyright:

перепечатывайте наши материалы хоть с ссылками на наш журнал, хоть без ссылок - нам без разницы (*только не искажайте их!*): плевать нам на авторское право... Однако, впрочем, не ставьте свои подписи под нашими материалами ☺